Театръ и Искусство

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО".

Съ доставк. и пересылк. на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к. Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.
Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

1898 г. II годъ изданія. **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.** ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 Декабря.

СОДЕРЖАНІЕ: Нашимъ читателямъ. — Русскіе водевилисты (окончаніе) *Ю. Бѣляева.*—Драматическое образ. въ Россіи (окончаніе) *Ю. Озаровскаго.*—Хроника театра и искусства —«Елка», стих. *О. Чюминой.*—Сапоги простака Голубчикова. *Noto novus.*—Графиня Лулу *В.* — Два крушенія. *И Триневской.*—Видѣнье драматурга *Квидамъ* — Дуэль *А. Дьянова.* — Заграницею. — Провинціальная лѣтопись. — Справочный отдѣлъ.—Объявленія.

№ 52.

Рисунки: 4 рисунка: къ „Царю Борису" *А. Ростиславова.* „На вызовы" рис. *Н. В—ва;* Рождественскія фантазіи—3 рисунка; иллюстраціи къ разсказу „Графиня Лулу"; 3 виньетки; портретъ М. М. Читау.
Ноты: Valse Nonchalante *Cens-Canca.*— Оглавленіе журнала 1898 года.
Лит. драм. отд. (только для подписчиковъ). „Казнь" *Г. Ге.* (окончаніе).

Принимается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО"
Цѣна за годъ **6** р.
за полгода **4** р.
Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** р. и по два руб. 1-го марта и 1-го іюня.

См. стр. 990.

С.-Петербургъ, 27-го декабря.

Второй годъ нашего изданія промелькнулъ едва ли не быстрѣе, чѣмъ первый. Люди старятся, изданія старятся, только задачи искусства и цѣли добра остаются тѣ же...

Едва ли многимъ, даже близко стоящимъ къ театру и искусству, читателямъ, ясно представляются тѣ необыкновенныя трудности, которыя приходится преодолѣвать изданію, поставившему своимъ девизомъ столь простыя и, повидимому, общедоступныя начала, какъ «правда» и «искренность»—«правда», какъ она понимается редакціею, «искренность», какъ она ею чувствуется. Въ этомъ отношеніи изданіе, спеціализировавшее себя въ извѣстной области, испытываетъ затрудненій гораздо, неизмѣримо больше, нежели органъ общей печати. Послѣдній имѣетъ предъ собою всѣ сферы, всѣ явленія жизни. Онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, незамѣтно молчать, когда, по обстоятельствамъ, трудно говорить правду. Онъ можетъ искупить грѣхи свои, ибо имѣетъ къ тому множество случаевъ и поводовъ. Онъ можетъ скрыть шаткость принциповъ и руководящихъ началъ, ибо имѣется не мало такихъ вопросовъ политики и общественой жизни, которыхъ можно и должно касаться in abstracto, не прибѣгая къ примѣрамъ. Не трудно быть правдивыми, толкуя о политикѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, хотя бываетъ, что и здѣсь лгутъ, и лгутъ не мало. Совсѣмъ невозможно не быть правдивымъ, разрѣшая математическую проблему. Ибо общій законъ таковъ: правда обратно пропорціональна конкретности явленія, и только въ области чистаго анализа, надъ неопредѣленными, алгебраическими величинами, правда дается такъ же легко, какъ простой выводъ логической мысли, замкнувшейся въ себѣ.

Спеціальное изданіе, а въ особенности такое, какъ наше, которое имѣетъ дѣло съ живыми людьми, съ живыми самолюбіями, съ тончайшими видами рекламы, со множествомъ самыхъ разнообразныхъ, взаимно переплетенныхъ интересовъ, съ явленіями, не только встрѣчающими различную оцѣнку, но и не оставляющими часто по себѣ никакихъ слѣдовъ по которымъ можно возстановить дѣйствительную сущность—такое изданіе поставлено въ условія очень невыгодныя и очень тяжкія. О, сколько враговъ, и о, какъ мало друзей! Ибо враговъ столько же, сколько людей, которыхъ правда хотя бы слегка задѣла по чувствительному мѣсту. А друзья только тѣ, которые интересы правды ставятъ превыше всего, и... которыхъ самолюбіе пока не задѣто.

Ложь въ области художественной критики; ложь сознательная, ложь подобострастная и лакейская; ложь простая, ложь сложная; ложь извращающая основныя начала прекраснаго, и ложь извращающая ихъ примѣненіе; ложь дифирамбовъ и ложь клеветы; ложь оглашенной рекламы и ложь мертваго, гробового молчанія — все это растетъ не по днямъ, а по часамъ. И чѣмъ больше растетъ эта

ложь, чѣмъ кипучѣе и шире лавина лжи, извергаемая на общество,—тѣмъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ независимомъ органѣ печати, который, считаясь со всякимъ словомъ и движеніемъ въ искусствѣ — искалъ бы вездѣ правды и всюду каралъ бы ложь...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. По мѣрѣ силъ, мы идемъ по своему пути, и рады, что нашихъ читателей прибываетъ, и что тотъ, кто насъ узналъ, неохотно съ нами разстается. Это придаетъ намъ энергіи, и мы увѣренно глядимъ на будущее, несмотря на наше одиночество, на то, что толпа «среднихъ интеллигентовъ» все еще продолжаетъ учиться корану искусства по легкомысленнымъ и часто лукавымъ отзывамъ, по дерзкимъ экивокамъ однихъ и рабьимъ перепѣвамъ прочихъ...

Путь нашъ долгій, но мы и не очень торопимся... И не фразой звучитъ въ нашихъ устахъ, что за одного читателя, къ намъ душой приверженнаго, мы отдадимъ десятки такихъ, которые съ просонья смотрятъ на Божій міръ, и которымъ, въ сущности все равно, день ли, ночь ли на дворѣ...

Отъ редакціи.

1 № журнала за 1899 г. выйдетъ 3 января. Въ ближайшихъ номерахъ журнала будутъ помѣщены слѣдующія новыя пьесы: „Въ деревнѣ" К. Л. Соломѣева (автора „Злой ямы"), Исторія одного увлеченія" Л. Радзивиловича, „Друзья" Роветта, въ пер. г-жи Гриневской и др.

Новые подписчики на 1899 г. могутъ получить 1 выпускъ „Словаря" за 50 к. вмѣсто 75 к., съ пересылкою. Полные комплекты за 1898 г. продаются по 6 р. (безъ пересылки), за 1897 г. (2-е изданіе—въ крайне ограниченномъ количествѣ) по 10 р. (безъ пересылки).

Русскіе водевилисты.

(Окончаніе).

XII.

На грани, образуемой водевилемъ и бытовой комедіей, стоитъ фигура, приковывающая всеобщее вниманіе своимъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, такъ мало идущимъ къ жизнерадостному настроенію предшественниковъ. Это—сухощавый, статный старикъ съ большою головой оригинальной формы и съ умнымъ, начисто выбритымъ лицомъ, оживленнымъ блескомъ большихъ, проницательныхъ глазъ. Тонкія губы старика почти всегда сложены въ сатирическую улыбку. Вся его сухощавая, не по лѣтамъ подвижная, фигура, изобличаетъ въ немъ нервнаго человѣка, которому знакомо вдохновеніе, и всѣ движенія его дышатъ энергіей и самоувѣренностью—сразу видно, что онъ знаетъ куда идетъ и что дѣлаетъ.

Въ свое время этотъ старикъ былъ извѣстенъ каждому петербуржцу. Достаточно было появиться ему на улицѣ, въ театрѣ или въ гостиной, чтобы всѣ присутствующіе повернулись къ нему. Почти полвѣка этотъ старикъ питалъ петербургское общество своими остротами и каламбурами, разбрасывая ихъ направо и налѣво, съ расточительностью истиннаго креза. Полвѣка наши салонные остряки развозили по гостинымъ блестки его остроумія. Его имя сообщало каждому слову особенный блескъ и обезпечивало успѣхъ. Сколько плоскихъ остротъ и грубыхъ шутокъ ходило по городу подъ фирмой знаменитаго острякa, и никто не замѣчалъ грубости выраженій потому только, что они были освящены именемъ, которое было на устахъ у всѣхъ! Собственникъ этой знаменитой фирмы острословія былъ—Каратыгинъ....

Потихоньку, шагъ за шагомъ, мы, наконецъ, дошли до него. Здѣсь—конечная точка нашего путешествія. Все что было послѣ Каратыгина, все это значительно слабѣе предыдущаго и должно быть отнесено скорѣе къ исторіи бытовой драмы, нежели къ водевилю. Каратыгинъ достойно завершилъ, упрочилъ, такъ сказать, цѣлое литературное движеніе, и скажемъ болѣе—исчерпалъ его. Каратыгинъ во-время задержалъ неудержимую и легкомысленную веселость своихъ предшественниковъ, и взявъ ихъ серьезныя стороны, передалъ ихъ бытовой комедіи, возникшей тотчасъ же вслѣдъ за нимъ. Приверженцы чистаго водевиля послѣ Каратыгина стали постепенно съуживать, такъ сказать, радіусы своего безпечальнаго веселья, пока не дошли до юмора сознательнаго и правописательной сатиры.

Такова главная заслуга Каратыгина. Онъ съумѣлъ во-время опомниться, не заразившись общимъ примѣромъ. Нужна была нравственная дисциплина и сила воли, чтобы, удержавшись самому, остановить и другихъ. Вотъ почему, становится досадно, когда слышишь только похвалы Каратыгину, какъ о знаменитомъ острякѣ и балагурѣ, и никогда ни слова о той отвѣтственной роли, которую ему суждено было сыграть въ исторіи русскаго театра.

Воспитанникъ старой театральной школы, гдѣ не столько учили наукамъ, сколько искательствамъ и пролазамъ, молодой Каратыгинъ въ компаніи другихъ фанатиковъ театра, долженъ былъ развиваться самостоятельно, всецѣло положившись на собственныя силы. Въ бытность свою артистомъ казенной сцены, онъ продолжалъ свое развитіе, расширивъ кругъ знакомства и получая новыя свѣдѣнія преимущественно въ изустной формѣ. Кромѣ того, онъ много читалъ, изучалъ языки и иностранныхъ писателей—однимъ словомъ, добросовѣстно трудился надъ своимъ дарованіемъ. Дано ему было немного, быть можетъ, одно только остроуміе,—а къ концу жизни эта крупица таланта разрослась въ цѣльный, самобытный талантъ, завершившій одно движеніе и начавшій другое.

Каратыгинъ написалъ множество водевилей, преимущественно бытового характера; перечислять ихъ всѣхъ, или разбирать изъ нихъ нѣкоторые, какъ мы это дѣлали въ предыдущихъ статьяхъ,—едва ли представляетъ какое-нибудь значеніе. Это цѣлая галлерея жанровыхъ картинъ одного художника, связанная единствомъ тона и настроенія. Я какъ-то раньше сказалъ, что Каратыгинъ нѣкоторыми сторонами своего таланта напоминаетъ мнѣ В. Маковскаго. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любой изъ его водевилей и поройтесь внимательнѣе въ папкахъ нашего художника—вы навѣрно найдете тамъ превосходную иллюстрацію, написанную въ томъ же мягкомъ задушевномъ колоритѣ, какимъ отличался юморъ Ка-

ратыгина. То же простодушіе, та же красивость линіи, полныя выраженія, жесты, сразу выражающіе весь складъ характера. Каратыгинъ никогда не былъ смѣхотворенъ. Чуждый меланхоліи и лишенный настоящей глубины, онъ не могъ „смѣяться сквозь слезы“, какъ это мы видимъ у Гоголя, но все же смѣхъ его былъ здоровый и жизненный, и отсюда прямо переходъ къ бытовой комедіи и обличительной сатирѣ.

Но заслуга Каратыгина не исчерпывается этимъ. Помимо заслугъ сценическихъ, за которыя онъ еще при жизни стяжалъ шумный успѣхъ, онъ еще имѣлъ за собой заслуги общественныя. Театръ, для котораго онъ такъ много поработалъ на своемъ вѣку, обязанъ ему еще и нравственной поддержкой. Вспомните то время, къ которому относится главный періодъ дѣятельности Каратыгина. Это сороковые и пятидесятые годы. Надъ актерами тяготѣлъ въ то время грубый крѣпостной взглядъ. Общество не принимало ихъ въ свою среду. Въ эпохи декабристовъ была сдѣлана, правда, попытка соединить эти два чуждые другъ другу міра, но попытка эта испытала судьбу другихъ ей подобныхъ. Единственная форма сліянія съ актерскимъ міромъ была мода нашихъ свѣтскихъ молодыхъ людей, бравшихъ себѣ въ подруги обыкновенно какую-нибудь молоденькую жрицу искусства, преимущественно изъ балета. Каратыгинъ былъ самъ актеръ. Онъ переиспыталъ всѣ трудности актерской жизни. Пользуясь своими знакомствами въ высшемъ кругѣ, прибѣгая къ постояннымъ напоминаніямъ, онъ не мало пользы принесъ меньшой актерской братіи и много содѣйствовалъ поднятію престижа актера въ глазахъ общества. Съ трудомъ, съ большими потерями душевныхъ и даже физическихъ силъ, но все-таки онъ преодолѣлъ эту задачу, и въ этомъ заключается его главная заслуга.

И вотъ конецъ!.. Послѣ Каратыгина выступаетъ цѣлая фаланга водевилистовъ во главѣ съ Ѳедоровымъ, Чернышевымъ и Жулевымъ, но всѣ они знаменуютъ собою упадокъ чистаго водевильнаго жанра одни—въ силу своей подражательности, другіе—въ силу своей близости къ бытовой комедіи. То, что въ водевильномъ жанрѣ, имѣло сценическій успѣхъ,—должно быть отнесено скорѣе къ успѣхамъ того или другого актера, а никакъ не къ достоинствамъ самого автора. Водевиль явно уходилъ въ области преданія. Оставались одни пережитки.

Заканчивая свой очеркъ, посвященный этой интересной и вполнѣ обособленной отрасли русской драматической литературы, мы приходимъ къ тому заключенію, что у русскаго *національнаго* водевиля было свое историческое основаніе, отмѣтившее водевиль въ общемъ развитіи русской драмы. Водевиль много подвинулъ изученіе быта, смягчилъ рѣзкіе пріемы сатирической комедіи прошлаго вѣка и своимъ полуискреннимъ, полу-шутливымъ тономъ, способствовалъ сліянію публики съ артистами. Какъ всякое заимствованное направленіе, водевиль часто впадалъ въ крайности. Но заимствованное, съ теченіемъ времени, отлетѣло, какъ шелуха, осталось одно свѣжее крѣпкое ядро, изъ котораго родилось новое направленіе. Насмѣшливый поверхностный водевиль уступилъ дорогу бытовой комедіи, являясь ея предшественникомъ и родоначальникомъ въ одно и то же время. За примѣрами ходить не далеко. Возьмемъ хотя бы Чернышева. Воспитанный исключительно на водевильномъ ренертуарѣ, перенявшій у своихъ собратій по перу и по сценѣ все техническое совершенство въ искусствѣ писать легкія, веселыя вещицы, онъ въ то же время является первымъ изъ водевилистовъ, у котораго веселая шутка звучитъ насмѣшкою и который развиваетъ въ своихъ пьесахъ преимущественно бытовую сторону. Чернышевъ не Каратыгинъ, онъ въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ личному убѣжденію, а, скорѣе всего, является подневольнымъ данникомъ времени, которое требовало отъ него болѣе серьезнаго тона. Званіе водевилиста, по непреложному закону забвенія, стало звучать едва ли не насмѣшкой. Явились новыя вѣянія, новыя силы...

Andere Vögel, andere Lieder.

Юрій Бѣляевъ.

Драматическое образованіе въ Россіи.

(*Окончаніе*).

Въ началѣ второй половины III-го курса преподаватель драматическаго искусства представляетъ въ конференцію училища на выборъ нѣсколько программъ выпускныхъ спектаклей. Въ послѣднее время,—по крайней мѣрѣ, въ практикѣ петербургскихъ курсовъ,—установился обычай по каждому классу давать по два спектакля, изъ коихъ одинъ представляетъ исполненіе прозаической пьесы современнаго жанра, а другой,—стихотворной и притомъ исторической,—вообще говоря,—костюмной,—причемъ по первому спектаклю судятъ, такъ сказать, по существу дѣла, т. е. опредѣляютъ успѣшность выпускного ученика въ смыслѣ общаго усвоенія пріемовъ драматическаго искусства, а второй—служитъ въ глазахъ конференціи показателемъ, насколько умѣло ученикъ справляется съ изображеніемъ костюмной роли, причемъ чтеніе стиховъ отходитъ какъ-то на задній планъ. Такой характеръ выпускныхъ спектаклей не представляется намъ желательнымъ. Очень трудно подыскать 2 спектакля, изъ которыхъ каждый самостоятельно давалъ-бы подходящій матеріалъ для всего класса, а въ этомъ — все дѣло. Оцѣнка того, какъ ученикъ читаетъ стихи, какъ онъ носитъ костюмъ, должна производиться конференціей *непрерывно* въ теченіи всего учебнаго курса, а не на послѣднемъ спектаклѣ, когда все вниманіе ея должно быть затрачено на изученіе процесса сценическаго перевоплощенія артиста въ роль. Поэтому гораздо раціональнѣе, представляется намъ, второй спектакль отвести такому же общему испытанію учащагося безъ отношенія къ тому, костюмную или „городскую“ (какъ говорятъ театральные портные), прозаическую или стихотворную пьесу намѣренъ поставить преподаватель въ выпускномъ спектаклѣ. Два же однородныхъ по цѣли и характеру спектакля дадутъ юнымъ артистамъ вдвое больше шансовъ обнаружить существо своего артистическаго призванія.

Послѣ выпускныхъ спектаклей, дирекція, какъ гласитъ § 51 „Положенія“, допускаетъ лучшихъ учениковъ и ученицъ къ дебюту въ составѣ драматической труппы Императорскихъ театровъ. Положимъ, на практикѣ этихъ дебютовъ не бываетъ: дирекція довольствуется одними выпускными спектаклями и, намѣтивъ изъ числа окончившихъ курсъ лицъ, которыя представляются ей подходящими для службы въ Императорской труппѣ, включаетъ ихъ въ составъ ея помимо всякаго дебюта. Тѣмъ не

„Царь Борисъ".

Г. Горевъ — Борисъ.
Рис. А. Ростиславова.

менѣе существованіе этого § въ „Положеніи" представляется для насъ не только излишнимъ, но и прямо-таки вреднымъ, такъ какъ служитъ для многихъ приманкой къ поступленію на курсы. Ясно• дѣло, разъ при дирекціи существуетъ спеціальное учебное заведеніе, занятое подготовкой артистовъ, она вольна комплектовать свои драматическія труппы выпущенниками курсовъ. По открытіи ихъ, сколько намъ извѣстно, бывшимъ министромъ Императорскаго Двора, гр. И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ,—ему обязано самымъ своимъ существованіемъ это учебное заведеніе,—отдано было даже особое распоряженіе дирекціи, по которому дебюты для артистовъ со стороны дозволялось давать лишь выдающимся дѣятелямъ провинціальной сцены. Не проходитъ сезона, чтобы обѣ наши образцовыя труппы не пополнялись артистами изъ школы.

Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ школы, не должно дирекціи, по нашему мнѣнію, брать на себя передъ лицами, поступающими на курсы, обязательства принимать въ составъ Императорскихъ труппъ хотя бы и лучшихъ изъ окончившихъ курсъ. Такой порядокъ вещей привлекаетъ въ школу не мало случайнаго элемента; многіе изъ обучающихся на курсахъ болѣе всего мечтаютъ о поступленіи на Императорскую сцену, не имѣя ни малѣйшаго представленія о тѣхъ высокихъ художественныхъ задачахъ, которымъ она служитъ. Было бы, повторяемъ, гораздо болѣе цѣлесообразнымъ и справедливымъ со стороны дирекціи и въ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ школы, если бы поступающіе въ нее нисколько не руководствовались при этомъ какими бы то ни было надеждами на счетъ Императорской сцены. Для обезпеченія же притока молодыхъ и дѣйствительно подготовленныхъ артистовъ, у дирекціи имѣется другой путь. Путь же этотъ ясенъ. Онъ подсказывается не только теоретическими соображеніями, но и опытомъ дирекціи въ прошломъ: это—командировки лучшихъ изъ выпущенниковъ на нѣсколько сезоновъ въ провинцію.

Какъ бы тщательно ни было поставлено дѣло преподаванія въ школѣ,—хотя бы даже это была идеальная школа,—для Императорской сцены, которая всегда въ нашемъ представленіи рисуется высшимъ театральнымъ установленіемъ, куда открытъ доступъ лишь избранникамъ таланта, одержавшимъ побѣду, такъ сказать, на всероссійскомъ конкурсѣ,—такая подготовка не можетъ быть признана въ отношеніи Императорской сцены подходящей. Вотъ почему дирекція должна рѣшиться на мѣру, только-что названную нами. Правда, она вызоветъ нѣкоторыя затраты, но пройдетъ нѣсколько лѣтъ и капиталъ, израсходованный на обезпеченіе Императорской труппы кадромъ подходящихъ для нея артистовъ, вернется съ хорошо наросшими процентами. Организація этого рода командировокъ молодыхъ артистовъ въ провинцію рисуется намъ въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. По окончаніи курса въ институтѣ, артисты (лучшіе, само собой разумѣется) зачисляются въ списки Императорской труппы и откомандировываются на службу въ ту провинціальную труппу, куда по соглашенію съ дирекціею будетъ подписанъ ими контрактъ на 3 года. Въ теченіи всего командировочнаго срока артистъ получаетъ отъ дирекціи небольшое содержаніе—стипендію, дающую возможность молодому человѣку независимѣе себя чувствовать въ условіяхъ частной, иногда полной случайностей, театральной службы. Объ успѣхахъ своего стипендіата дирекція ежегодно запрашиваетъ режиссера труппы, гдѣ онъ служитъ, или же мѣстнаго агента Русскаго Театральнаго общества. По истеченіи трехлѣтняго срока, артистъ обязанъ прибыть къ указанному дирекціей времени въ одну изъ столицъ для испытанія. Въ случаѣ, если испытаніе это найдено будетъ вполнѣ успѣшнымъ, артистъ получаетъ открытый дебютъ и принимается на дѣйствительную службу въ Императорской труппѣ. Въ случаѣ неудачнаго результата, артистъ, по усмотрѣнію дирекціи, снова откомандировывается на извѣстный срокъ въ провинцію или же совсѣмъ исключается изъ списка ея стипендіатовъ.

Нынѣ дѣйствующій порядокъ необходимо поскорѣе оставить: онъ почти безполезенъ для дирекціи и прямо-таки вреденъ для артиста. Безполезенъ для дирекціи, потому что нынѣшній артистъ изъ школы—это художественная сила, совершенно неизвѣстная для режиссера труппы и, самое главное, для самой труппы (благодаря различнымъ неудачно сложившимся обстоятельствамъ, не смотря, казалось бы на тѣсную связь, которая должна существовать между театромъ и школой, никакого интереса къ ней со стороны артистовъ труппы не замѣчается). Въ теченіи нѣсколькихъ сезоновъ молодой человѣкъ украшаетъ собой „общія" сцены, фигурируя главнымъ образомъ въ роляхъ „голоса изъ народа" и кавалера

„Царь Борисъ".

Г. Медвѣдевъ—Шуйскій.
Рис А. Ростиславова.

на балу. Да не подумаетъ читатель, что мы легко относимся къ значенію выходного артиста. Отнюдь нѣтъ. И теорія, и практика драматическаго искусства — за выходного артиста. Теорія учитъ, что разница между художественнымъ значеніемъ ролей Гамлета и 2-го могильщика лишь количественная, но не качественная. Практика дѣла, въ виду все болѣе и болѣе устанавливающагося въ театральной публикѣ требованія сценическаго ансамбля, выдвигаетъ значеніе выходного артиста до степени артиста „со словами".

Но не для выходовъ же артиста обучали литературѣ, культурѣ, драматическому анализу и прочимъ премудростямъ спеціальной подготовки. Это, разумѣется съ одной стороны. Но съ другой—нельзя же требовать отъ режиссера, чтобы совершенно неопытному артисту, котораго вдобавокъ онъ и не знаетъ совсѣмъ, онъ поручалъ сколько-нибудь отвѣтственныя роли. И выходитъ, что артистъ изъ школы на Императорской сценѣ—это какая-то потенціонная величина, лишенная возможности обнаружить ту скрытую энергію, которая въ ней заключена. Хорошо, онъ не лишенъ извѣстнаго характера, при этомъ трудолюбивъ и горячо любитъ свое дѣло, хотя бы оно было и маленькое; терпѣливо несетъ свой тяжелый крестъ, и все свободное отъ службы время употребляетъ на то, чтобы найти возможность сыграть гдѣ-нибудь „на сторонѣ", или по крайней мѣрѣ занимается кабинетнымъ изученіемъ облюбованныхъ ролей, въ справедливомъ разсчетѣ, что подготовка къ нимъ когда нибудь да пригодится. Но не всѣ надѣлены такими счастливыми качествами, и многіе изъ молодежи постепенно превращаются въ тѣхъ мелкихъ ремесленниковъ сцены, трудъ которыхъ, конечно, очень почтенъ уже по одному тому, что онъ ничѣмъ не награждается нравственно, но которые навсегда получаютъ обидную кличку „маленькихъ". Между тѣмъ естественная въ жизни труппы убыль артистовъ, восполняется отнюдь не выпущенниками курсовъ и даже не артистической молодежью, въ свое время прошедшей ихъ, а путемъ притока артистовъ изъ провинціи. Происходитъ это такъ, а не иначе, потому что, во-первыхъ, дебюты заявляются артистами изъ провинціи великимъ постомъ до выпускныхъ спектаклей курсовъ, и дебютанты изъ провинціи опережаютъ, такимъ образомъ, дебютантовъ изъ школы. Во-вторыхъ,—и это самое главное,—дебютантъ изъ провинціи, а это обыкновенно актеръ съ 10—12-ю годами сценическаго опыта, въ глазахъ режиссера да и всѣхъ остальныхъ членовъ труппы, естественно, предста-

„Царь Борисъ".

Борисъ (г. Горевъ) и Ирина (г-жа Савина).
Рис. А. Ростиславова.

„Царь Борисъ".

„На Красной площади".
Рис. А. Ростиславова.

вляется болѣе желательнымъ. Даже въ томъ случаѣ, если артистъ изъ школы, прослуживъ пять-шесть сезоновъ на Императорской сценѣ, съумѣлъ пріобрѣсти необходимый сценическій опытъ путемъ спектаклей „на сторонѣ“ (особенно полезны въ этомъ отношеніи для молодежи Императорскихъ труппъ великопостныя и лѣтнія поѣздки въ составѣ своихъ старшихъ товарищей по сценѣ) и создать себѣ, наконецъ, нѣкоторое подобіе амплуа въ труппѣ, онъ не выдержитъ соперничества съ актеромъ изъ провинціи, хотя здѣсь собственно побѣда послѣдняго обусловлена преимуществами совершенно внѣшняго свойства. Актеръ изъ школы съ пятью-шестью годами службы это, во-первыхъ, актеръ, состоящій на дѣйствительной службѣ у дирекціи, т. е. безпрекословно подчиняющійся всѣмъ ея распоряженіямъ и терпѣливо ожидающій отъ нея за то „великія и богатыя милости“, во-вторыхъ,—актеръ съ вознагражденіемъ на лучшій конецъ въ 900 руб. (первые три сезона всѣ артисты изъ школы, какая бы качественная разница между ними ни существовала, получаютъ 600 руб., т. е. тотъ минимальный окладъ, который присвоенъ и статистамъ). Актеръ же изъ провинціи, если даже онъ не обладаетъ выдающимся дарованіемъ, меньше 1800—1200 не получитъ, да и служитъ первое время обыкновенно по контракту. Служба эта, правда, не столь вѣрна, какъ дѣйствительная, но она даетъ актеру извѣстныя, такъ сказать, профессіональныя права. Контрактъ ко многому обязываетъ актера, но и многое даетъ. Амплуа и извѣстный minimum ролей опредѣленнаго характера—вотъ между прочимъ, то *многое*, что дается контрактомъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго при этомъ, что когда претендентами на данную роль являются два актера труппы, изъ которыхъ одинъ актеръ изъ провинціи, другой изъ школы, то первый въ большинствѣ случаевъ одерживаетъ верхъ. Единственная же, всѣми въ труппѣ признанная и никѣмъ уже не оспариваемая миссія актера изъ школы—это право играть то, отъ чего актеръ изъ провинціи отказался... Но можно быть заранѣ увѣреннымъ, что роли, которыя при этомъ достаются покорному исполнителю, особенно цѣннаго матеріала не представляютъ, хотя имѣть успѣхъ въ нихъ и не возбраняется...

Вотъ волшебный кругъ, въ который заключена дѣятельность актера на Императорской сценѣ, если онъ поступилъ туда съ курсовъ. Ясно, что для выпущенниковъ поступленіе на Императорскую сцену—сущій вредъ, и тѣмъ больше, чѣмъ ярче его природное дарованіе.

§ 53 „Положенія“ гласитъ:

«Выдержавшіе экзамены по всѣмъ преподаваемымъ на курсахъ предметамъ получаютъ: 1) *аттестатъ*—тѣ изъ окончившихъ драматическіе курсы, которые на окончательномъ испытаніи выказали хорошіе успѣхи какъ по драматическому искусству, такъ и по общеобразовательнымъ предметамъ; и 2) *свидѣтельство* – всѣ прочіе, выказавшіе удовлетворительные успѣхи».

Такимъ образомъ между окончившими курсы, т. е. между людьми, пробывшими три года въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, одинаково усердно посѣщавшими лекціи и принимавшими участіе въ спеціальныхъ занятіяхъ курсовъ, быть можетъ, болѣе или менѣе, одинаковыми по дарованіямъ, безъ реальной провѣрки и живомъ дѣлѣ, по однимъ лишь баламъ на экзаменахъ навсегда устанавливается существенная (въ предѣлахъ школьной аттестаціи, разумѣется) и для многихъ естественно обидная градація: *болѣе* и *менѣе* способныхъ. Художественная карьера капризна, нельзя поручиться, что эта градація, по прошествіи извѣстнаго срока кипучей практической дѣятельности, не измѣнится въ совершенно обратную сторону по евангельскому завѣту: „первые да будутъ послѣдними, и послѣдніе—первыми“. Поэтому, въ видахъ высокаго престижа школы, мы стоимъ за уничтоженіе такой градаціи. Всѣ успѣшно окончившіе курсы получаютъ *одинаковаго* качества дипломъ, котораго вовсе лишаются лица, не оказавшія успѣха въ теченіе учебнаго курса. Съ цѣлью же поощренія наиболѣе успѣвшихъ, можно бы рекомендовать награжденіе медалями, денежными преміями и пр. Такого рода награжденія не могутъ парализовать естественныхъ стремленій лицъ, лишенныхъ этихъ награжденій, занять впослѣдствіи на артистическомъ поприщѣ мѣсто одинаковое съ награжденными. Особенно, какъ мѣру поощренія, мы рекомендовали бы посылку наиболѣе дѣльныхъ молодыхъ людей для усовершенствованія за-границу.

Какъ гласитъ § 54 „Положенія“, полученіе аттестата влечетъ за собой присвоеніе молодому артисту званіе *некласснаго художника* (получившіе свидѣтельство удостаиваются этого званія лишь по прослуженіи трехъ лѣтъ на Императорской и десяти лѣтъ на частныхъ сценахъ—§§ 54 и 55). Никакихъ сколько-нибудь существенныхъ въ практическомъ отношеніи преимуществъ званіе это не даетъ артисту, и никто изъ получившихъ его не съумѣлъ до сихъ поръ какъ-либо воспользоваться имъ и тѣмъ указать, что собственно оно означаетъ. Очевидно, оно установлено дирекціей по аналогіи съ другими художественными учебными заведеніями, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ академія художествъ, даютъ степени значительно высшія. Гораздо болѣе раціональнымъ кажется намъ учрежденіе для окончившихъ курсъ высшей драматической школы—диплома *драматическаго художника*—диплома, отличающаго актера съ спеціальной подготовкой отъ актера, не получившаго таковой, и дающаго право на ношеніе особаго нагруднаго знака.

Противъ предоставленія артистамъ изъ школы того преимущества передъ остальными членами труппы, что два года занятій въ училищѣ зачисляются въ дѣйствительную службу,—разумѣется, ничего нельзя сказать (§ 54). Но настоящее время это пока, дѣйствительно, единственное реальное преимущество первыхъ передъ вторыми, значительно подымающее нравственный престижъ курсовъ.

Очеркомъ постановки дѣла въ драматическихъ курсахъ нашихъ театральныхъ училищъ, мы заканчиваемъ пока первую часть нашей задачи. Въ ближайшихъ номерахъ журнала уже за будущій 1899 годъ мы снова позволимъ себѣ вернуться къ нашей темѣ и коснемся положенія нашихъ частныхъ драматическихъ школъ, затѣмъ – какъ синтезъ нашего труда, постараемся установить типъ нормальной, образцовой школы.

Юр. Озаровскій.

ХРОНИКА
театра и искусства.

Въ началѣ января въ Михайловскомъ театрѣ пойдетъ пьеса Пинеро „Вторая жена“, съ М. Г. Савиной, второй нѣмецкая комедія „Пути къ славѣ“, вѣроятно въ родѣ „Блестящей карьеры“. Затѣмъ, въ одномъ спектаклѣ, двѣ пьесы: двухъактная драма Джероламо и Роветта „Между дѣломъ“ и веселая комедія Мельяка и Галеви „Вдова“.

* * *

22 декабря исполнилось двадцатилѣтіе службы на Императорской сценѣ М. М. Читау. Марія Михайловна Читау, дочь извѣстной, талантливой артистки Александры Матвѣевны Читау, обучалась драматическому искусству у режиссера Императорской драматической труппы А. А. Яблочкина, но обязана, главнымъ образомъ, своей сценической подготовкой своей матери, которая явилась первымъ и невольнымъ учителемъ „маленькой Читау“. М. М Читау выступила въ первые на сценѣ въ весьма юномъ возрастѣ, 16 лѣтъ, — 14 ноября 1877 г., въ бенефисъ своей матери, въ роли Агнессы („Школа женщинъ“ — Мольера). Быть можетъ, это опредѣлило дарованіе артистки, которая дѣйствительно прекрасно играетъ мольеровскихъ ingénues и субретокъ до сихъ поръ.

Несмотря на успѣхъ дебютантки, завѣдывавшій въ то время репертуарной частью русскаго драматическаго театра, П. С. Ѳедоровъ, нашелъ, въ виду крайней юности дебютантки, пріемъ ея на образцовую сцену пока еще преждевременнымъ. Черезъ годъ 29-го ноября 1878 г., состоялся второй дебютъ „маленькой Читау“, опять-таки въ бенефисъ ея матери, въ четырехъ-актной, передѣланной съ французскаго В. А. Крыловымъ мелодрамѣ: „Дитя несчастья“, въ роли Мани Горпной, причемъ второй дебютъ артистки, какъ и слѣдовало ожидать, прошелъ еще удачнѣе перваго: голосъ ея окрѣпъ, развился, явилось больше свободы на сценѣ, почувствовались проблески самостоятельной работы въ игрѣ, что и было единодушно отмѣчено прессой и публикой. М. М. Читау была зачислена въ составъ Императорской русской драматической труппы 22-го декабря 1878 г.

Откладывая оцѣнку дарованія М. М. Читау до „законнаго“ 25 лѣтняго юбилея, котораго уже ждать не долго, пожелаемъ симпатичной артисткѣ — если только это отъ нея зависитъ — играть почаще и дарить насъ свойственными ей проблесками народнаго юмора и непринужденнаго веселья.

* * *

Въ Москвѣ устраиваются также спектакли въ память Пушкина 27-го мая, въ Большомъ театрѣ. Намѣчены слѣдующія произведенія поэта: сцены изъ „Бориса Годунова“, „Моцартъ и Сальери“, „Каменный гость“, сцены изъ „Русалки“, „Скупой рыцарь“. Послѣднее произведеніе пойдетъ, какъ извѣстно, въ скоромъ времени въ Новомъ театрѣ. Въ заключеніе будетъ поставленъ апоѳеозъ. Въ спектаклѣ примутъ участіе лучшія силы казенной драматической труппы.

* * *

Съ наступленіемъ строительнаго періода снова начнутся работы по ремонту зданія Большого театра въ Москвѣ. Работы эти представляютъ выдающійся интересъ, такъ какъ теперь предположено приступить къ переборкѣ всего портика съ его громадными колоннами, которыя будутъ сломаны совершенно и, послѣ подкладки фундамента, сложены будутъ за-ново. При этомъ колонны будутъ отнесены далѣе на площадь и на всемъ этомъ протяженіи будутъ устроены теплыя сѣни. Предположено устроить новое фойе для публики 5 го яруса, куда будетъ перемѣщенъ буфетъ.

* * *

† **А. С. Долинскій.** Новая жертва „недуга злого“! 15-го декабря скончался въ Одессѣ молодой оперетный артистъ Алексѣй Степановичъ Долинскій (Золотовъ), пользовавшійся въ провинціи весьма хорошей репутаціей и съ успѣхомъ служившій нѣкоторое время въ петербургскомъ Маломъ театрѣ, при антрепризѣ г. Пальма. Покойный умеръ отъ скоротечной горловой чахотки, явившейся слѣдствіемъ невоздержанной жизни. А. С. Долинскій занималъ въ опереткѣ амплуа „универсальнаго“ пѣвца, исполняя не только теноровыя и баритонныя, но даже и бассовыя партіи, что вызывалось скудостью состава провинціальныхъ труппъ. Какъ товарищъ, покойный пользовался общей любовью сослуживцевъ и смерть его вызвала всюду общее сожалѣніе.

* * *

М. М. Читау

Приводимъ въ извлеченіи письмо покойнаго В. И. Розеноера къ своей женѣ, написанное передъ смертью. Письмо это цѣликомъ напечатано въ 268 № „Сибирскаго Вѣстника“.

«Люди начали бить меня лежачаго. Еще театръ дымилъ, какъ пошли противъ меня протесты и аресты на имущество со стороны г. З., торговавшаго у меня въ театральномъ буфетѣ водочкой, и далеко небезвыгодно. Очутившись въ самомъ ужасномъ положеніи, я со стороны драматическаго общества встрѣтилъ такое отношеніе, что удивляюсь сейчасъ, какъ я его тогда пережилъ. На первомъ засѣданіи общества вмѣсто словъ: «Валентинъ Ивановичъ, не безпокойтесь, мы Вамъ не дадимъ погибнуть, Вы, молъ, дали намъ и театръ, и труппу», я услыхалъ слова: «Вы должны намъ 1,000 руб., когда Вы ихъ заплатите?» Я до того былъ ошеломленъ этой ужасной, душу леденящей холодностью и безчувственностью людей, что не нашелъ отвѣта на ихъ слова. Я забылъ даже сказать имъ, что у нихъ есть мой залогъ въ 500 руб. Мнѣ, послѣ такого ужаснаго горя, никто привѣтливо не улыбнулся... Теперь возьми отношенія актеровъ, этихъ уродовъ на сценѣ и въ жизни. Они объявляютъ моему дѣлу force majeure, тогда какъ я этого не желаю, когда имѣю возможность работать въ Енисейскѣ. Отказываясь работать, многіе изъ нихъ и не думаютъ мнѣ заплатить то, что они въ переборѣ, дѣлая изъ меня невольнаго подлеца предъ остальными мелкими актерами».

«Не думай, радость, счастье мое, дорогая Вѣрочка, читаемъ мы дальше,—что мнѣ такъ легко дается смерть!.. Цѣна-то ей правда, 10 р. 35 к.: столько я заплатилъ въ магазинѣ Толкачева, но тяжело разстаться съ тобой, дитя мое! Будь еще ты обезпечена, куда ни шло, я умеръ бы спокойно, зная, что и безъ меня ты безъ горя проживешь; но умереть съ сознаніемъ, что оставляю тебѣ два-три стула и диванъ, которые тотъ же З. оспариваетъ — невыносимо тяжело; но тяжело и носить это ярмо страданій нравственныхъ. Сознавать, что сотни рукъ вѣчно копошатся въ твоихъ карманахъ въ надеждѣ что нибудь найти тамъ — ужасно, убійственно! Слышать отъ людей съ утра до ночи слово «дайте», самому же вѣчно шептать «одолжите»,—вѣдь это что такое?!»

«Кромѣ того, я съ самаго начала дѣла, благодаря моей природной малохарактерности и еще больше, благодаря тому, что ужъ очень я пришибленъ своимъ несчастіемъ, надѣлалъ массу глупостей. Такъ напримѣръ: Г. выдалъ 500 р., К. почти за мѣсяцъ, Т. и Л., а кому надо и необходимо было дать, не далъ»...

«...Раздавая актерамъ сотни, самъ я сижу, смѣшно сказать, безъ папиросъ. Иначе, поступить, ты знаешь, я не могъ бы».

Далѣе, покойный трогательно прощается съ женой, проситъ прощенія за причиненное горе, проситъ передать своимъ кредиторамъ его просьбу о прощеніи. Все это, въ общемъ, производитъ необыкновенно гнетущее впечатлѣніе... Нельзя читать письмо безъ содраганія... Умереть

желая жить, изъ-за одного только недостатка въ деньгахъ — какой это, дѣйствительно, ужасъ!..

* * *

Театральная дирекція заказала новый большой балетъ для постановки въ сезонѣ 1899—1900 гг. Либретто разрабатываетъ С. Н. Худековъ, — авторъ многихъ балетныхъ программъ, а музыку будетъ писать г. Глазуновъ. Балетъ называется „Саламбо“.

* * *

Послѣ Новаго года на гастроли въ Москву командируются, какъ говорятъ, г-жа Куза и г. Морской.

* * *

Г. Секаръ-Рожанскій въ будущемъ сезонѣ не будетъ служить въ частной оперѣ въ Москвѣ и переходитъ, по словамъ московскихъ газетъ, въ петербургскую казенную оперную сцену.

* * *

Баритонъ г. А. Черновъ получилъ отъ дирекціи театровъ заграничный двухмѣсячный отпускъ.

* * *

Намъ доставленъ отчетъ малорусской труппы, начавшей спектакли 20 марта подъ управленіемъ А. М. Чарова-Сабинина по 1 сентября. Составъ труппы слѣдующій: А. М. Войцеховская, М. В. Чарова-Чаленко, А. И. Пивинская, Н. Е. Борисенко, Н. П. Волкова, Н. Н. Инсарова, О. В. Ольгина, В. С. Тышкевичъ, С. А. Глазуненко, В. С. Чубатый, И. В. Загорскій, Д. М. Морченко, Г. А. Левченко, С. И. Дяковъ, А. М. Чаровъ-Сабининъ, Луценко, Довыденко, Бочаровъ; Сагайдачный-Чугай, Гончаренко, Петренко. Хоръ женскій и мужской. Дирижеры: Пастуховъ, потомъ Дегаудіо, хормейстеръ Клинцевъ. Въ общемъ въ труппѣ было 55 человѣкъ. Труппа посѣтила слѣдующіе города: Симферополь, Феодосію, Севастополь, Керчъ, Бердянскъ, Майкопъ на Кубани, Мелитополь, Харьковъ, Екатеринодаръ, гдѣ и закончила свои спектакли. Спектаклей дано было 122 спектакля. Валовой сборъ 22 тысячи. Расходъ 13,200 руб. жалованья труппѣ (мѣсячный бюджетъ) 2,200 р. Вечеровой расходъ, предварительный и дорога 9.265 р. Антреприза понесла убытка по 1 сентября 465 руб. Съ 1-й недѣли Великаго поста, т. е 8 марта 1899 г. труппа подъ антрепризой вновь начнетъ свои спектакли въ Люблинѣ, Варшавѣ, Сѣдлецкѣ до Пасхи. Съ Пасхи Харьковъ и Николаевъ.

* * *

Удивительныя вещи творятся на сценѣ Нѣмецкаго клуба съ тѣхъ поръ, какъ режиссеромъ приглашенъ г. Кальверъ. Аржанникова, Тимирева и Никольскаго, наиболѣе любимыхъ мѣстной публикой, замѣнили любители и ученицы различныхъ драматическихъ школъ. Репертуаръ также значительно ухудшился. Такъ, 16 декабря были поставлены въ одинъ вечеръ цѣлыхъ три водевиля: «Повѣситься или утопиться», «Изъ-за мышенка» и «Въ тихомъ уголкѣ».—Особый курьезъ этого спектакля состоитъ въ томъ, что еле-еле умѣющій ходить по сценѣ г. В. Петипа на афишѣ выдѣленъ въ красную строку. Этотъ юноша серьезно воображаетъ, что онъ законченный артистъ. Женскія роли были распредѣлены между г-жами Стрѣлковой, Даллеръ и Климовой, ученицами одной частной драматической школы. Комментаріи къ этому, конечно, излишни. *Н. У.*

* * *

Отъ Одесскаго Литературно-артистическаго общества мы получили слѣдующую замѣтку, которую приводимъ съ нѣкоторыми сокращеніями.

26 мая 1899 года исполнится *столѣтіе* со дня рожденія А. С. Пушкина.

Россія уже готовится къ торжественному чествованію памяти великаго поэта въ этотъ день.

Желая внести свою лепту въ это общерусское дѣло, Одесское Литературно-артистическое общество, въ засѣданіи литературной секціи, избрало особую коммисію, которой поручено: а) выработать программу празднованія 26 мая 1899 года нашимъ Обществомъ, б) собрать находящіяся въ частныхъ рукахъ письма Пушкина за время пребыванія его на *югѣ Россіи*, а также его вещи и вообще предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ его памяти; в) собрать воспоминанія о немъ за тоже время, г) издать Литературный Сборникъ, включивъ въ него неизданныя письма Пушкина, воспоминанія о немъ за время пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ и литературно-критическія статьи, касающіяся дѣятельности поэта на Югѣ, и д) устроить въ помѣщеніи Общества „Пушкинскую комнату“, собравъ здѣсь изданныя сочиненія Пушкина и литературу о немъ, бюсты и портреты Пушкина, автографы и предметы его и т. п.

Пребываніе Пушкина на Югѣ представляетъ очень важный моментъ въ его поэтической дѣятельности и интересъ литературно-критической разработки матеріаловъ о пребываніи Пушкина на Югѣ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Правленіе сознаетъ, конечно, всю трудность настоящаго начинанія. Но оно надѣется, что цѣль до извѣстной степени можетъ быть достигнута при дружномъ, единодушномъ участіи общества.

Въ виду этого, Правленіе считаетъ своимъ долгомъ просить почитателей великаго поэта оказать ему содѣйствіе посредствомъ сообщенія свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся до пребыванія Пушкина на Югѣ, или — указанія лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ ихъ.

Правленіе съ благодарностью приметъ и матеріальную помощь для наилучшаго изданія Сборника, а также даръ — въ видѣ сочиненій Пушкина, бюстовъ, портретовъ его и т. п. предметовъ для образованія „Пушкинской комнаты“ — и, наконецъ, статьи для Сборника.

Всѣ свѣдѣнія и запросы Правленіе проситъ адресовать на имя члена коммисіи — секретаря Общества *Ивана Антоновича Смирнова* (Бульваръ, д. Маразли). Сообщенія могутъ направляться также на имя членовъ коммисіи: А. С. *Понандопуло* (ред. „Одес. Листка“), П. П *Пакни* (ред. „Юж. Обозрѣнія“), В. М. *Дорошевича* (ред. „Одес. Листка“), А. М. *Федорова* (ред. „Юж. Обоз.“), проф. А. И. *Маркевича* (Канатная, собств. домъ), А. И. *Черкасса* (Спиридоновская, № 7), П. Г. *Вучетича* (ред. „Юж. Обоз.“), М. Г. *Попруженко* (Публичная библіотека), М. В. *Шимановскаго* (Ямская, собств. д. № 84) и В. Н. *Петровскаго* (Ямская, д. № 92).

Предсѣдатель *П. Чеховичъ*. Секретарь *И. Смирновъ*.

Изъ зимняго альбома.

ЕЛКА.

Залита лунным блескомъ,
За темнымъ перелъскомъ
Вздымалась къ небу ель;
И ей шептала сказки,
Кружилась въ вихрѣ пляски
Лишь снѣжная метель.

—

Надъ ней въ иныя страны
Неслися караваны
Нависшихъ низко тучъ.
И солнце ей свѣтило,
И звѣздныя свѣтила,
И ровкій лунный лучъ.

—

Но въ темномъ перелъскѣ
Ей грезилось о блескѣ
Сверкающихъ огней.
О пышномъ гордомъ залѣ,
О музыкѣ на балѣ —
Въ ночи мечталось ей...

—

За мигъ одинъ веселья,
За краткое похмѣлье,
За ложь и мишуру —
Она отдать готова
Свѣтъ солнца золотого
И мѣсяца игру.

О. Чюмина.

САПОГИ ПРОСТАКА ГОЛУБЧИКОВА.

I.

Кузьма Иванычъ, или просто Кузьма, или „Кузенъ“, какъ его называлъ третій нумеръ, игривый jeune comique Миловзоровъ, сдѣлалъ все по положенію: подвязалъ звонокъ, „соорудилъ“ самоваръ на ночь нумеру шестому, прикрутилъ керосиновую лампу, которая имѣла скверную привычку дымить и чадить, и отправился собирать сапоги и ботинки жильцовъ. Въ гостиницѣ изстари ужъ такъ было заведено, что сапоги выставлялись за дверь. Это было великолѣпное обыкновеніе, и Кузьма цѣнилъ больше всего на свѣтѣ спокойную увѣренность, что сапоги стоятъ именно тамъ, гдѣ имъ пріятно стоять, и что никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Жилецъ въ гостиницѣ былъ хорошій, солидный, аккуратный, и спать ложился рано. Ну, а которые и загуляютъ, такъ у тѣхъ по двое паръ: въ однихъ сапогахъ гуляютъ, а другіе за дверь.

Жаловаться грѣхъ. Доходишко есть, особливо въ нынѣшнюю зиму. Нумера, почитай, всѣ заняты. Десять нумеровъ одни актеры занимаютъ, потому къ театру близко, а работы на нихъ немного. У иныхъ и сапоги-то лаковые. За дверь выставятъ, а ихъ тряпкой оботрешь—и готово. Миловзоровъ, тотъ и совсѣмъ сапогъ не выставляетъ, а потретъ ихъ самъ маслицемъ—блестятъ, какъ зеркало. Маслице такое особенное, французское. Сорокъ копѣекъ склянка, сказываютъ. До всего умъ-то человѣческій доходитъ...

Надобно вамъ сказать, что Кузьма былъ вообще человѣкъ методическаго и даже нѣсколько меланхолическаго склада. Ходилъ онъ съ перевальцемъ, въ движеніяхъ былъ медлителенъ и степененъ, волоса расчесывалъ проборомъ, что придавало ему видъ „средняго интеллигента“, и воздерживался отъ лишнихъ разговоровъ. Думалъ онъ много, хотя напередъ зналъ, что его мысли рѣшительно не приведутъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Постоянное общеніе съ сапогами, которые онъ чистилъ уже лѣтъ тридцать, привело его къ тому, что въ его мысляхъ сапоги безсознательно перепутывались съ ихъ собственниками. У него были сапоги ласковые и сердитые, богатые и бѣдные, добрые и злые. Когда же ему перепадала лишняя рюмочка, то онъ мыслилъ вслухъ и случалось вступалъ съ сапогами въ несложный разговоръ, а Миловзоровъ даже разсказывалъ, будто однажды видѣлъ, какъ Кузьма прижалъ къ щекѣ ботинокъ водевильной ingénue Коринкиной и шепталъ: „милая! ахъ милая!“ Достовѣрность этого разсказа мы оставляемъ на совѣсти Миловзорова, но несомнѣнно, что сапоги капитана Пертурбіева онъ называлъ „ихъ благородіемъ“, и наводилъ на нихъ глянецъ съ особеннымъ усердіемъ.

О чемъ размышлялъ Кузьма въ описываемый вечеръ—намъ въ точности неизвѣстно, но когда онъ остановился предъ дверью тринадцатаго, самого маленькаго и дешеваго во всей гостиницѣ нумера, занятаго простакомъ Голубчиковымъ, и, машинально взглянувъ въ уголъ, замѣтилъ, что сапогъ простака Голубчикова на надлежащемъ мѣстѣ нѣтъ,—то мысли его приняли совершенно опредѣленный и въ высшей степени обидный для Голубчикова оборотъ.

— Таскается, фря! подумалъ онъ съ пренебреженіемъ, и ему живо представилась худая, вскло-ченная фигура Голубчикова, пріѣхавшаго въ труппу уже посерединѣ сезона, послѣ какого-то несчастнаго краха, и принятаго на самое маленькое жалованье. Въ этомъ образѣ, должно быть, не было ничего привлекательнаго, потому что Кузьма неодобрительно сплюнулъ и покачалъ головой. „Тоже господиномъ называется, пронеслось у него въ головѣ. Называется!.. Представляетъ! Что онъ представлять-то можетъ! Артистъ! Господинъ! Гривенника, полагать надо, съ него не получишь, а не то, что по положенію приходится. Тьфу, ты пропасть! И откуда нынче прощалыгъ этихъ столько развелось?..“

И забравъ въ охапку всѣ сапоги, и еще разъ сплюнувъ, уже на ходу, Кузьма поплелся въ свою коморку.

II.

Кузьма прилегъ отдохнуть. Спать ему мало нынче придется; къ празднику много работы, да еще вотъ самовары кирпичемъ надо вычистить. Забылъ онъ съ вечера это сдѣлать. А необходимо. Зайдешь съ грязнымъ самоваромъ къ жильцу, съ праздникомъ поздравить,—ну, иной и ткнетъ пальцемъ, „нехорошо, молъ“. А есть такіе, что даютъ и на новый годъ, и на Рождество. То-то... ежели все посчитать, такъ въ общемъ сумма изрядная выйдетъ Оно, конечно, и работать не мало приходится. Напримѣръ, сапоги... Воспоминаніе о сапогахъ опять непріятно подѣйствовало на Кузьму. Передъ его глазами снова выросла фигура Голубчикова, съ впалою грудью и робкимъ, застѣнчивымъ взглядомъ. И сапоги у него какіе-то нелѣпые и глупые: голенищи короткіе, осѣвшіе. сморщенные, подметки толстыя, чуть ли не тройныя. Да и головки чортъ знаетъ на что похожи, скверные, опойковые, изрытые глубокими морщинами. И то сказать, беретъ онъ ихъ больше для формы, проведетъ разъ-другой щеткою безъ ваксы и поставитъ на мѣсто, въ уголъ. Иногда и это даже забудетъ. Пыли этой самой между морщинами—не оберешься! Разъ какъ-то Голубчиковъ замѣтилъ ему робкимъ голосомъ: „что же это вы, Кузьма Иванычъ, сапогъ мнѣ не чистите?“ Ну, онъ натурально огрызнулся: „сапоги, господинъ, уваженіе любятъ! А ежели пѣшедраломъ да пѣшедраломъ, такъ вполнѣ достаточно-съ. Потому сапогъ сапогу рознь“... Ничего господинъ Голубчиковъ не сказалъ, а только отвернулся. И еще разъ было, что Голубчиковъ просилъ его тщательно вычистить сапоги. „Я, говоритъ, сегодня генеральскаго сына играю, такъ пожалуйста..“ А онъ, Кузьма, отвѣтилъ вполнѣ резонно, что съ такими подметками въ генеральскій домъ и показаться-то совѣстно... Тоже выдумалъ! генеральскій сынъ! Да его не то, что къ генералу, а и подъ-генералу на порогъ не пустятъ!

Кузьма закрылъ глаза и легъ на спину. Удивительно, что спать хочется, а не спится что-то. И потомъ, какъ будто вблизи кто-то разговариваетъ. Совсѣмъ близко... И шаги слышны... Чьи это? Никакъ Голубчикова. Кузьма, нехотя, открылъ глаза и посмотрѣлъ по направленію къ двери своей ка-

Рисунокъ Scatsc'a.

морки. Маленькая керосиновая лампа, висѣвшая на стѣнѣ, пониже часовъ, скудно освѣщала комнатку и часть корридора. Дальше былъ полный мракъ. И вотъ Кузьма видитъ, какъ изъ мрака выдвигаются сапоги Голубчикова. Сначала Кузьма подумалъ, что это Голубчиковъ ихъ принесъ и поставилъ. Но шума удаляющихся шаговъ не было слышно.

Кузьма приподнялся съ постели, оперся на локоть, и сталъ всматриваться. Вотъ навожденіе! Сапоги ходятъ сами собою, и походка совсѣмъ, какъ у Голубчикова, тихая, мягкая, скромная. Да и прочіе всѣ сапоги, что стояли въ кучѣ у комода, задвигались. Кузьма задрожалъ всѣми членами, натянулъ пальто, которымъ закрывался, черезъ голову, и притихъ въ полномъ изнеможеніи...

III.

Сапоги господина Голубчикова подошли къ самой кровати Кузьмы. Кузьма слышалъ, какъ сапоги произнесли надтреснутымъ голубчиковымъ тенóромъ „здравствуйте“, и какъ въ отвѣтъ послышался цѣлый хоръ голосовъ, въ которомъ явственно можно было разслышать игривый голосъ Миловзорова:

— И вы пришли почиститься передъ праздникомъ? Что же, дѣло хорошее.. Отъ всякія скверны... А и не любитъ же васъ Кузенъ...

— Т-сс... произнесъ глуховатый басъ, принадлежащій совсѣмъ почти новымъ сапогамъ резонера Перехвостова.—Кузьма можетъ проснуться.

— Ну вотъ еще! презрительно замѣтили миловзоровскія ботинки, и расхохотались такъ непринужденно, что синее сукно, вставленное въ головки, сморщилось совсѣмъ, какъ у старушки. Это животное спитъ совершенно мертвымъ сномъ.

Кузьма почувствовалъ ударъ въ самое сердце. Это было положительно неблагодарно со стороны миловзоровскихъ ботинокъ, которыя онъ чистилъ всегда съ самымъ полнымъ усердіемъ.

— Зачѣмъ вы это говорите? мягко возразили голубчиковскіе сапоги,—совсѣмъ онъ не животное, а человѣкъ, какъ всѣ. Теменъ онъ, это вѣрно. А только сердце у него есть, и вообще...

— Ахъ, вы, лирикъ, лирикъ! Ну, на какой шутъ вы существуете на бѣломъ свѣтѣ? Сердце, человѣкъ... Дайте ему двугривенный—вотъ вамъ и сердце, и человѣкъ. Небось, вѣчно вы въ грязи ходите, несмотря на сердце...

— Это совершенно вѣрно, но только ежели исправлять несправедливость судьбы, засорившей Кузьмѣ сердце, такъ вѣдь лаской это надо и любовью, а не такъ, чтобы...

— Нѣтъ, вы, знаете, неисправимы?.. Вы чортъ знаетъ, что такое! Вы вѣчно будете страдать хроническимъ малокровіемъ и никогда у васъ цвѣта лица настоящаго не будетъ. Сила, батюшка,—это двугривенный, и только. Вотъ поглядите на меня. Шикъ, блескъ, иммеръ элеганъ... Вотъ въ этотъ самый моментъ, когда вы какую-то дурацкую,—простите за выраженіе,—лирику разводите, въ этотъ самый моментъ моя очаровательная сосѣдка, принадлежащая ingénue Коринкиной, жметъ мнѣ каблучкомъ носокъ? Такъ вѣдь, мамочка?

Мамочка, оказавшаяся высокимъ сапожкомъ, на прехорошенькой красной подкладкѣ, съ двумя рядами блестящихъ пуговицъ, стыдливо запахнула отстегнувшійся воротъ, и хихикнула такъ выразительно, что Кузьма невольно улыбнулся и произнесъ про себя: „ишь-ты, мамзель-то какъ разгулялась...“ Миловзоровскія ботинки между тѣмъ продолжали:

— Сапогъ если хочетъ сдѣлать карьеру, то долженъ тщательно избѣгать всякаго чернаго дѣла. Я, батенька, фуроръ производилъ, когда въ драмѣ Додэ „Борьба за существованіе“ игралъ Поля Астье. Такъ вотъ... Ну, какое вы можете внушать уваженіе, ежели вы сегодня по грязи, завтра по снѣгу, послѣзавтра по гололедицѣ?.. Это глупо. Или вы эксплуатируете калоши и извозчиковъ, или васъ эксплуатируютъ другіе сапоги, разъѣзжающіе на извощикахъ и носящіе калоши... Эхъ, простачекъ, простачекъ! Вѣдь у васъ талантъ-то во какой... Вѣдь, ежели по чистой совѣсти говорить, вѣдь вы богатырь, въ сравненіи со мною! За то я зайду, расшаркаюсь, ступлю мягко, скользну, повернусь... Вотъ у меня и амплуа. Я—первый сюжетъ. У меня—бенефисъ. Или вотъ этотъ хорошенькій пустячокъ (онъ ткнулъ носкомъ въ сторону ботинки ingénue Коринкиной)... Ножка, divina mia! А дѣло-то не въ ножкѣ, а въ томъ, что на диво сточенный каблучекъ.

Мамочка опять хихикнула. Наступило непродолжительное молчаніе. Наконецъ, сапоги простака Голубчикова заговорили:

— Не понимаю я, извините. По моему, у сапога должны быть, прежде всего, убѣжденія, т. е. у честнаго сапога. А вотъ такъ срывать цвѣты наслажденія, пѣжиться въ калошахъ и на извозчикахъ—это, какъ вамъ угодно, это... это безнравственно. Я сапогъ, и каковъ я есть, такимъ и остаюсь. Вы говорите, что надо шаркать.. Не понимаю... Сапогъ такъ устроенъ, что онъ ступаетъ... У него каблукъ, у него природа такая... Я и не желаю быть водевильнымъ сапогомъ... Я сапогъ трагическій... Я сапогомъ Гамлета быть могу-съ... Я монологъ съ „быть или не быть?“ два года скрипѣлъ, и безъ подметокъ. И борьбы этой я вашей не понимаю, потому что должна быть справедливость, и всякій сапогъ обязанъ заботиться о благѣ другихъ сапогъ. Я не могу это какъ слѣдуетъ высказать, но вы понимаете... Однимъ словомъ, я не признаю насилія. Я вотъ помню, какъ вы, сапогъ господина Перехвостова, полетѣли разъ въ спину Кузьмѣ за то, что онъ плохо васъ почистилъ. Но только это, господа, нехорошо, это недостойно сапога, это... ну, однимъ словомъ, вы простите меня, это нельзя...

Общество сапогъ расхохоталось.

— Боже мой, какъ это глупо! Развѣ можно иначе съ этими болванами! капризно вскричалъ ботинокъ Коринкиной.

Это уже было слишкомъ. Кузьма сердито стащилъ пальто и приподнялся на постели. Онъ удивился, что все было тихо. Машинально онъ заглянулъ подъ кровать. Сапогъ простака Голубчикова тамъ не было.

IV.

Зазвонили къ заутренѣ. Въ разрѣженномъ утреннемъ воздухѣ удары колокола раздавались гулко и торжественно. Кузьма почесался, всталъ, и кряхтя, сталъ одѣваться. Сапоги стояли на мѣстѣ такъ, какъ онъ ихъ поставилъ, ложась спать. Онъ припомнилъ, что сапогъ Голубчикова онъ не бралъ еще, и отправился къ тринадцатому нумеру. Сапоги стояли въ углу. Они были ужасно жалки. Голенища совсѣмъ сбились, а къ подошвамъ пристало такъ много сору и грязи, что внизъ спускались какія-то лохмотья. Кузьма бережно взялъ ихъ и снесъ въ свою каморку. Потомъ перебралъ нѣсколько коробочекъ съ ваксой и остановился на одной, на крышкѣ которой было изображено: „Jacquot, extra“. Онъ ужасно долго мѣшалъ ваксу, присыпалъ туда немного толченаго сахару и сталъ чистить сапоги Голубчикова. Нѣсколько разъ подносилъ онъ ихъ къ лампѣ и только тогда остановился, когда сапоги блестѣли, какъ зеркало. Тогда онъ взялъ ихъ за ушки и прошелъ обратно по корридору къ тринадцатому нумеру. Въ дверяхъ онъ пріостановился, но затѣмъ на цыпочкахъ зашелъ въ комнату и поставилъ сапоги у кровати простака Голубчикова. Голубчиковъ спалъ лежа на спинѣ. Его темно-русые волосы живописно окаймляли высокій лобъ, блѣдное лицо улыбалось грустною улыбкой, и онъ что-то бормоталъ во снѣ и дѣлалъ трагическіе жесты. Кузьма погладилъ себя нѣсколько разъ по темени и затѣмъ, перекрестивъ спящаго, осторожно вышелъ въ корридоръ...

Колоколъ все гудѣлъ, да гудѣлъ. Небо начинало слегка сѣрѣть, и кое-гдѣ въ городѣ, какъ первые проблески пробуждающейся совѣсти, мелькали утренніе огоньки.

Homo novus.

Графиня Лулу.

(Съ французскаго).

Это было лѣтъ 20 назадъ. Въ Парижѣ, исторія, которую я хочу вамъ разсказать, уже достаточно наскучила и отошла въ область преданія, но она такъ не похожа на всѣ подобныя исторіи, отъ нея вѣетъ чѣмъ-то такимъ вѣчно молодымъ и плѣнительно свѣжимъ, что я чувствую потребность передать ее.

Начало возникновенія описываемой идиліи произошло въ оперѣ, — въ этомъ муравейникѣ, кишащемъ женщинами различнаго положенія и возраста, и тѣмъ не менѣе занятыми одной мечтой, поглощенными одной мыслью: найти „серьезнаго покровителя", который заставилъ бы пережить всѣ фазисы благосостоянія, начиная съ уютной и кокетливо обставленной антресоли, затѣмъ роскошнаго отеля съ лошадьми, каретами, бриллiантами, и, какъ апоѳеозъ благополучія — и карьеры, собственная дача или вилла и вполнѣ обезпеченное положеніе. И въ этомъ то гнѣздилищѣ порока, хищныхъ и наглыхъ инстинктовъ, на этой засоренной плевелами почвѣ, выросла, какъ душистый цвѣтокъ въ пыльной травѣ, истинная, чистая любовь, чуждая всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ. Героиней, представляющей столь яркое противорѣчіе, тому, что представляютъ подмостки такого въ своемъ родѣ извѣстнаго учрежденія, какъ Grand Opéra, была не кто иная, какъ маленькая второстепенная танцовщица, какъ ихъ обыкновенно называютъ, вторая отъ воды.

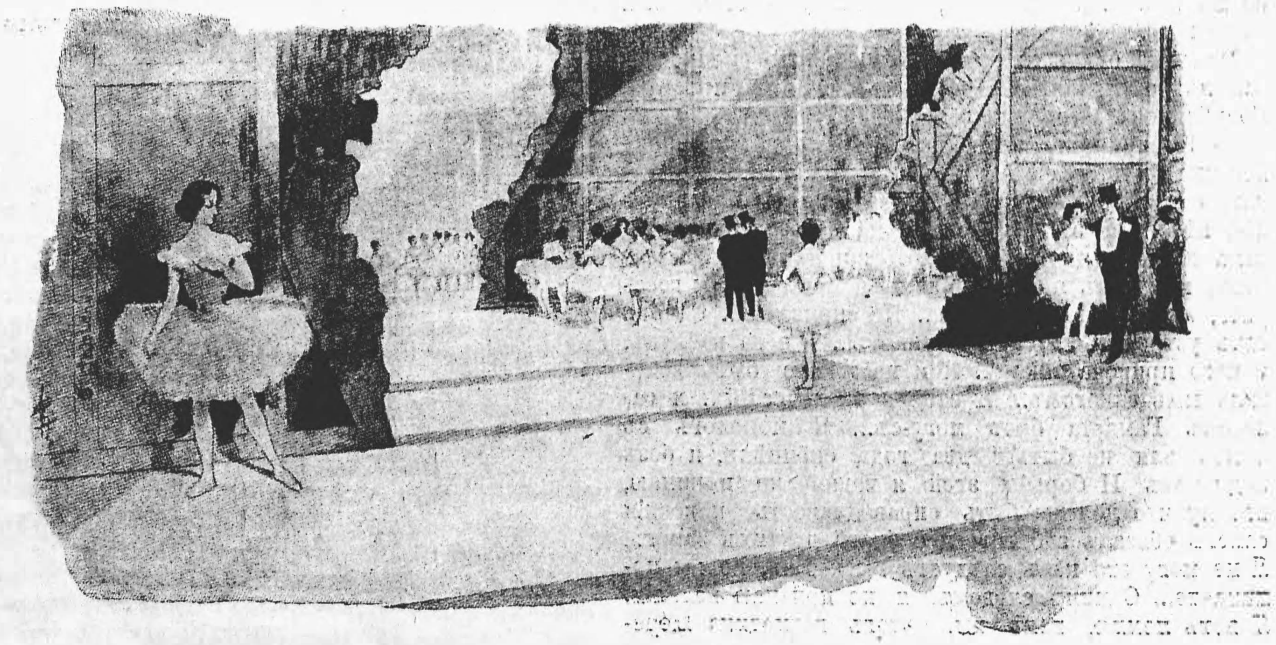
Луиза или Лулу, какъ ее звали въ оперѣ, удержавъ прозвище, данное ей роднымъ кварталомъ, гдѣ прошло ея беззаботное дѣтство, — дѣтство уличнаго ребенка, была удивительно хорошенькое 16-ти лѣтнее созданіе съ грезовской головкой и сердцемъ, переполненнымъ самыми лучшими стремленіями. Прямо съ порога кухни, гдѣ она была на побѣгушкахъ, такъ какъ на ней лежала обязанность закупать скудные съѣстные припасы, Лулу посчастливилось, благодаря протекціи знакомой хористки, попасть на 13-мъ году въ классъ корифеекъ. И вотъ, несмотря на 4 года, проведенныхъ въ оперныхъ кулисахъ, она сохранила свои иллюзіи во всей своей обаятельной неприкосновенности. Тогда она еще не испытывала сладкаго пробужденія чувства, остраго и непреодолимаго томленія первой любви женщины, которую сама природа создала чистой, способной устоять отъ тлетворной заразы окружающей среды.

И вдругъ...

Это было вечеромъ во время представленія „Гамлета" Тома. Она стояла прислонившись къ декораціи, въ ожиданіи своего выхода, и невольно прислушивалась къ разговору тогдашней звѣзды Легранъ съ графомъ Ихметьевымъ, блиставшимъ тогда въ Парижѣ. Несмотря на то, что Лулу видѣла его не одинъ разъ, никогда еще впечатлѣніе, производимое имъ, не сказалось въ ней съ такой силой.

Графъ Ихметьевъ, безподобный красавецъ, первый дирижеръ и изобрѣтатель замысловатыхъ котильоновъ, душа общества, баловень всѣхъ гостиныхъ, будуаровъ и кулисъ, смотрѣвшій 27-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, хотя ему было и цѣлыхъ 33 года, дѣйствительно располагалъ къ себѣ своимъ открытымъ сердцемъ и яснымъ умомъ. Сохранивъ какимъ-то чудомъ эти качества, несмотря на тонкій ядъ лести, которою окружала его толпа, цѣнившая въ немъ главнымъ образомъ 200,000 годового дохода,—графъ чувствовалъ себя часто совсѣмъ одинокимъ, напрасно старался забыться въ вихрѣ праздной, блестящей жизни. Онъ пользовался громаднымъ успѣхомъ у женщинъ, наперерывъ предлагавшихъ ему любовь, если только это можно было назвать любовью, но онъ оставался неуязвимымъ, и былъ совершенно равнодушенъ къ заигрыванію свѣтскихъ кокетокъ и праздныхъ красавицъ, и къ вызывающимъ взглядамъ и дѣйствіямъ жрицъ искусства, не говоря уже о мимолетныхъ встрѣчахъ. Никто и ничто не могло пробудить въ его сердцѣ хотя искру чего нибудь, похожаго на чувство. Лулу еле дождалась среды,— день, когда она была занята и имѣла такимъ образомъ возможность снова увидѣть его. Какъ заколдованная, не могла она отвести глазъ отъ его краснаго лица, отъ всей его благородной фигуры человѣка, держащаго себя съ непринужденной простотой, съ неуловимымъ je ne sais quoi во всей осанкѣ и глубокимъ, нѣсколько разочарованнымъ взглядомъ.

Нѣсколько дней послѣ этого, Лулу ходила подавленная и печальная; внезапныя спазмы душили ей горло и она не могла объяснить себѣ причину этого болѣзненнаго страннаго ощущенія; не могла дать себѣ отчета, что съ ней происходитъ и опредѣлить новый для нея родъ сладкаго, несмотря на всю остроту ощущенія, страданія. Къ концу недѣли, свѣтъ открылся ея глазамъ, и мало по малу она начала понимать, что съ ней происходитъ. Сдерживаться долѣе было не въ ея силахъ. Она схватила листокъ почтовой бумаги и написала слѣдующее письмо графу Ихметьеву, адресъ котораго она нашла въ календарѣ.



„Графъ! Вы будете страшно удивлены, получивъ записку отъ бѣдной дѣвушки, которую Вы вѣроятно даже не замѣтили, и которая любитъ васъ, тѣмъ не менѣе, до безумія.

Не думайте, ради Бога, что съ моей стороны это какой нибудь разсчетъ.

О, я знаю, что Вы богаты, страшно богаты, и несмотря на то, что я совсѣмъ бѣдная, я не хочу отъ васъ ничего, ничего не прошу, кромѣ того, чтобы вы хотя на самое короткое время полюбили меня такъ, какъ я Васъ.

Это моя первая любовь и честнымъ словомъ дѣвушки, клянусь вамъ, что любовь эта будетъ и послѣдней, если вы меня оттолкнете.

Отвѣтьте мнѣ, гдѣ и когда я могу найти васъ.

Я безгранично буду счастлива, принадлежа вамъ всецѣло Луиза".

Когда Ихметьевъ нашелъ у себя это письмо, написанное очень скверным, больше чѣмъ дурнымъ, почеркомъ, вкривь и вкось, испещренное сплошь орѳографическими ошибками, но удивительно наивное, согрѣтое искреннимъ чувствомъ, онъ самъ испыталъ какое-то новое, неизвѣданное имъ до сихъ поръ ощущеніе. На другой день въ Оперѣ давали „Фауста". Зайдя на сцену, между 3 и 4 дѣйствіями, онъ попросилъ первую, встрѣтившуюся ему танцовщицу, указать ему Лизу Реноденъ.

— Лулу?—переспросила она, оглядываясь кругомъ,—да вотъ она смотритъ на васъ изъ правой кулисы.

Лулу услыхала, что произнесли ея имя, и глаза ея лихорадочно загорѣлись.

Ихметьевъ подошелъ къ ней.

— Скажите, m-lle, спросилъ онъ серьезно, безъ улыбки, милое письмо, полученное мною вчера вечеромъ, вами написано?

Княжна задрожала, но это было всего мгновеніе; врожденная прямота одержала верхъ, и глядя ему прямо въ лицо, уже вполнѣ овладѣвъ собой, она отвѣтила:

— Да, это я! развѣ вамъ это такъ непріятно?

Какъ она была хороша въ эту минуту, съ своимъ плохо скрытымъ волненіемъ, вся трепещущая отъ страха и любви!

— Нѣтъ, также просто отвѣтилъ Ихметьевъ, потомъ прибавилъ послѣ небольшой паузы совсѣмъ, совсѣмъ тихо:

— Моя карета будетъ васъ ждать на углу Театральной улицы; послѣ балета мы вмѣстѣ поѣдемъ ко мнѣ и поболтаемъ.

Едва кончился балетъ, она стала быстро одѣваться, чтобы какъ можно скорѣе поспѣть на rendez-vous.

И вдругъ, когда она уже была совсѣмъ готова, внезапная мысль пришла ей въ голову: а что, если онъ посмѣялся надъ ней? За что? Но она отогнала отъ себя эту мысль.

А Ихметьевъ уже ждалъ, быстро шагая по тротуару, передъ которымъ стояла его карета.

— Вотъ и я, довѣрчиво и просто раздалось около него, и радостная Лулу протягивала ему руки.

Все это было такъ натурально, порывъ былъ такъ благороденъ, что придя къ себѣ и даже послѣ ужина въ tête à tête, этотъ пресыщенный человѣкъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы не посягнуть на добродѣтель этого ребенка, не задумавшагося бросить въ его объятья свою душу и тѣло.

— Слушайте, дорогая, милая дѣвочка, ласково сказалъ онъ ей, — я вижу, вы дѣйствительно меня любите и мнѣ бы не хотѣлось, чтобы въ отвѣтъ на вашу искренность, я поступилъ такъ, какъ поступалъ до сихъ поръ съ другими. Теперь я провожу васъ домой, а тамъ утро вечера мудренѣе—мы посмотримъ. Рѣшено?

Лулу бросилась къ нему на шею, и страстно обнимая, прошептала на ухо: „все, все, что хотите, только полюбите меня".

Нѣсколько времени спустя, Ихметьевъ покинулъ Парижъ и уѣхалъ въ Италію, захвативъ съ собой и Лулу.

Это было въ концѣ сентября. Они пробыли 2 недѣли въ Эстѣ, въ Белажіо, въ самое чудное время, у дивнаго озера Комо, сплошь залитаго солнцемъ и окруженнаго цвѣтущими деревьями.

Ихметьевъ съ каждымъ днемъ все больше и больше поражался впечатлительности молодой дѣвушки, быстро схватывающей все своимъ свѣтлымъ, хотя некультивированнымъ умомъ. Это открытіе еще горячѣе и прочнѣе заставляло его привязываться къ ней.

Такъ росла и крѣпла ихъ любовь, къ которой присоединялось, рѣдкое въ наши дни, взаимное и глубокое уваженіе. Какъ сонъ, пролетѣли счастливые дни. Когда имъ пришлось покинуть этотъ райскій уголокъ, Лулу даже расплакалась, точно охваченная какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ. Приближалось Рождество и Ихметьеву хотѣлось показать своей дорогой крошкѣ Римъ во всемъ его великолѣпіи. Сколько чудныхъ экскурсій и прогулокъ совершили наши влюбленные въ этомъ несравненномъ по красотѣ городѣ. Но, какъ-то разъ вечеромъ, войдя къ себѣ въ номеръ, Ихметьевъ сталъ жаловаться на тяжесть въ головѣ и рѣзкую боль въ поясницѣ. Онъ даже не могъ обѣдать и долженъ былъ немедленно лечь въ постель. Это была ужасная ночь для безумно любящей Лулу; она едва могла дождаться утра, чтобы послать за докторомъ.

У Ихметьева оказалась болотная лихорадка—очень опасная болѣзнь для тѣхъ, кто не привыкъ къ мѣстному климату. Съ каждымъ днемъ здоровье бѣдняги ухудшалось. Цѣлыхъ десять дней и десять ночей боролась Лулу со страшнымъ призракомъ смерти, угрожавшимъ ея возлюбленному. Докторъ становился все безпокойнѣе и безпокойнѣе, просиживалъ дольше, являлся раньше. Ихметьевъ, угадывая причину такой особенной предупредительной заботливости, спросилъ его, когда они остались вдвоемъ:

— Я умираю, докторъ, неправда ли? Больше надежды нѣтъ? О, умоляю васъ, бросьте жалость; мнѣ необходимо, слышите необходимо, быть готовымъ ко всему. Будьте откровенны.

Уклончивый, смущенный, но тѣмъ не менѣе очень ясный отвѣтъ доктора не могъ уже оставить ни тѣни надежды или сомнѣнія въ сердцѣ несчастнаго, и когда вошла въ комнату Лулу, онъ быстрымъ движеніемъ спряталъ 2 письма, написанныхъ при помощи того же доктора, который взялся доставить ихъ куда слѣдуетъ.

Между тѣмъ наступилъ день Рождества. Ночь наканунѣ была самая спокойная; больной вдругъ почувствовалъ себя гораздо лучше—печальный и вѣрный признакъ скораго конца. Яркое солнце, проникнувъ сквозь огромныя окна террасы, освѣтило комнаты, какъ бы принося радостную вѣсть наступленія великаго праздника, и словно вливая въ душу ободряющую силу. Но къ концу дня боли начались у него съ новой силой; Ихметьевъ потребовалъ священника.

Послѣ причастія, онъ просилъ обвѣнчать ихъ, соединить въ этомъ мірѣ для міра будущаго его съ этимъ горячо его любившимъ и любимымъ существомъ—однимъ въ цѣломъ свѣтѣ. Великое таинство вѣнчанія было совершено.

Послѣ обряда, спокойствіе точно снова возвратилось къ умирающему и съ этимъ кажущимся спокойствіемъ, рука съ рукой Лулу, съ глазами устремленными въ измученные, исполненные невыразимаго горя и отчаянія глаза своей возлюбленной онъ умеръ, едва успѣвъ прошептать съ послѣднимъ вздохомъ: „Твоя единственная любовь, Луиза,—да?"

Вы можете ежедневно встрѣтить на отдаленныхъ и бѣдныхъ улицахъ карету, запряженную черными лошадьми съ черной упряжью, а въ каретѣ даму въ глубокомъ, вѣчномъ траурѣ, одѣтую съ поразительной простотой. Карета останавливается передъ самыми скромными убогими домиками, куда какъ скорбный ангелъ печали, проникаетъ эта дама. Спросите у бѣдныхъ и у дѣтей, кто эта женщина съ совершенно сѣдыми волосами, несмотря на молодое лицо и фигуру, женщина, передъ которой каждый низко снимаетъ шляпу и почтительно склоняется, и вамъ отвѣтятъ, съ видомъ величайшаго почтенія, почти благоговѣйно:

— Это графиня Лулу!..

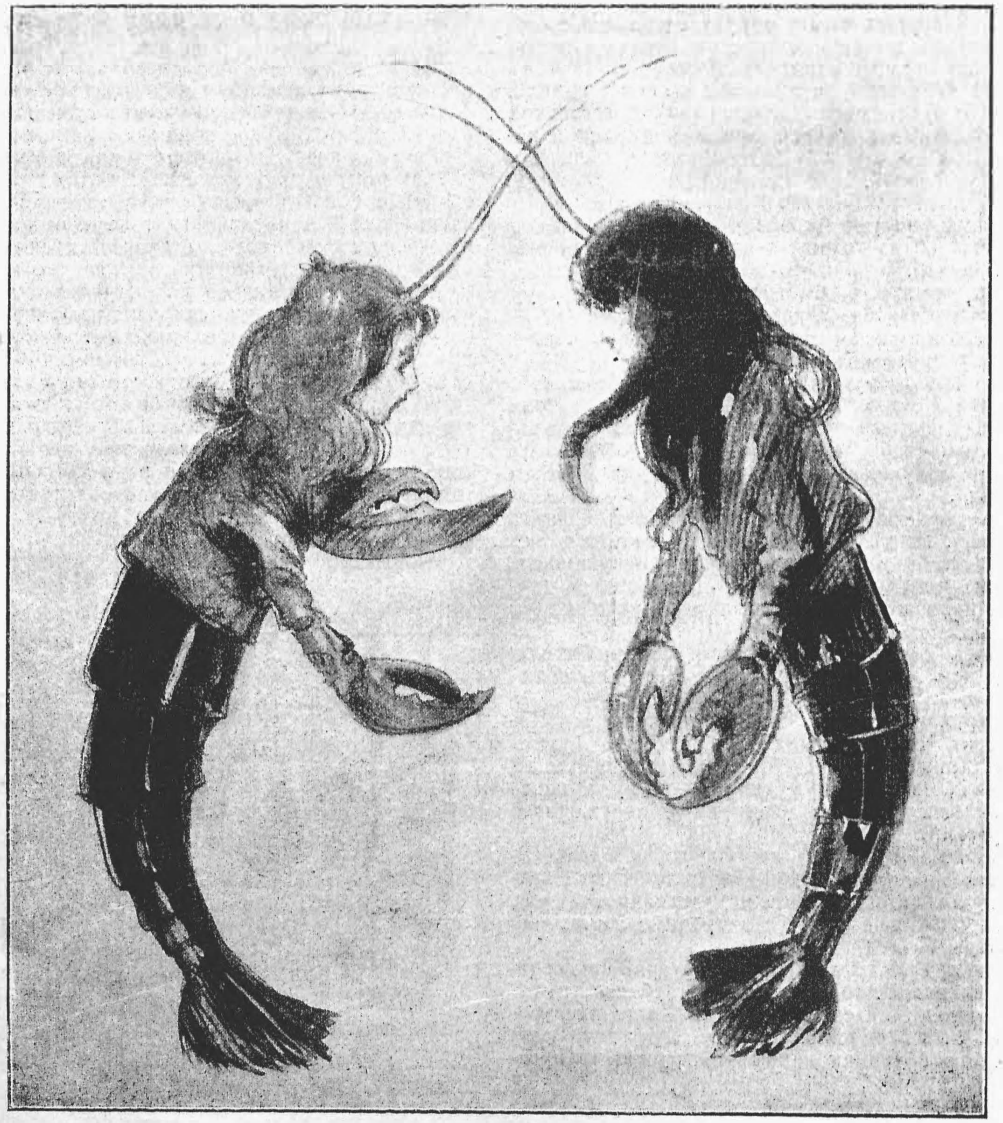
Два Рождественскихъ разсказа.

Два крушенія.

Въ вечеръ Рождества, когда всюду устраиваются для дѣтей празднества—мои знакомые тоже захотѣли повеселить свою единственную дочь; это была худенькая, хрупкая дѣвочка съ черными, очень большими глазами. Собралось съ десятокъ ребятъ. Они находились въ дѣтской въ ожиданіи часа, когда ихъ позовутъ въ гостинную, гдѣ готовилась нарядная елка съ краснощекимъ сахарнымъ ангеломъ на верхушкѣ.

Дѣти сидѣли вокругъ стола, освѣщеннаго висячей лампой, и смотрѣли, какъ маленькая хозяйка строила изъ игральныхъ картъ великолѣпный замокъ. Искусству этому ее научилъ дядя, старый архитекторъ, выстроившій на своемъ вѣку изъ настоящихъ кирпечей и бревенъ безчисленное количество всевозможныхъ домовъ.

Тоненькими пальчиками она проворно укладывала фундаментъ изъ тузовъ, выводила стѣны изъ королей, дамъ и валетовъ, устраивала галлереи изъ десятокъ и девятокъ, устанавливала башни и дѣлала крыши изъ прочихъ мелкихъ картъ. Всѣ дѣти съ большимъ интересомъ, притаивъ дыханіе, устремили



Рисунокъ Scatsc'a.

глаза на выроставшее пестрое зданіе. Наконецъ насталъ мигъ, когда маленькая строительвица, разгорѣвшись отъ волненія, сосредоточено, сдвинувъ тонкія брови и прикусивъ губы, прикрѣпила иголкой къ верхушкѣ самой высокой башни флагъ изъ двойки червей, и помѣстила на галлерею бумажную куклу въ тюлевомъ платьѣ въ качествѣ владѣлицы замка. Всѣ ахнули отъ восторга.

Не успѣла однако обладательница этого архитектурнаго чуда съ высоты галлереи обозрѣть свои новыя владѣнія и не успѣли еще дѣти осмотрѣть великолѣпное строеніе во всѣхъ его удивительныхъ подробностяхъ, какъ одинъ веселый мальчикъ, сидѣвшій около искусной, юной строительницы, лукаво улыбаясь, ткнулъ указательнымъ пальцемъ въ одинъ изъ тузовъ, составлявшихъ фундаментъ постройки, и все затѣйливое зданіе съ башенками и галлереями рухнуло. Двойки, короли, тузы, валеты и другихъ достоинствъ карты, только что возвышавшіяся въ гармоническомъ сочетаніи, представляли теперь безпорядочную пеструю груду, подъ которой безвременно погибла бумажная въ тюлевомъ платьѣ кукла. У зрителей вырвался крикъ негодованія. Строительницѣ въ первый разъ удалось исполнить эту трудную работу въ такомъ совершенствѣ.

Точно оцѣпенѣвъ—смотрѣла она на развалины широко раскрытыми испуганными глазами, въ которыхъ точно застыли крупныя слезы,—блѣдная, трепещущая. На лицѣ ея видно было не дѣтское, острое горе.

Внезапное, неожиданное, крушеніе этого карточнаго замка получило для нея значеніе перваго удара на жизненномъ пути. Дѣвочка не сказала ни одного слова рѣзвому сосѣду, но весь вечеръ она оставалась печальной, молчаливой. Ни роскошная елка, ни лакомства, ни подарки—не могли разсѣять ея грусти. Напрасно старшіе увѣряли ее, что скучать по такому поводу глупо, укоризнено спрашивали ее: неужели она думала, что замокъ изъ картъ можетъ стоять вѣчно, доказывали ей, что онъ самъ собою скоро бы упалъ, утѣшали ее, говоря: что „такъ всегда бываетъ“, что „все непрочное разрушается“. Дѣвочка не поддавалась усиліямъ взрослыхъ, желавшихъ развлечь ее. Въ глазахъ ея весь вечеръ мелькала какая-то смутная дума, горькая и черная, точно дѣтское сердце ея находилось подъ гнетомъ предчувствія далекой, далекой грозы, ожидавшаго ее въ жизни иного, болѣе жестокаго крушенія.

Спустя много, много лѣтъ грохнуло зданіе счастія всей ея жизни, восхитительное зданіе, построенное изъ самаго благороднаго, изъ самаго прочнаго матеріала. Поэзія, наука, всѣ музы и граціи трудились надъ его сооруженіемъ. Отъ злой шутки любителя веселыхъ забавъ оно грохнуло и разбилось, какъ постройка, созданная когда-то руками слабаго ребенка. Оно рушилось такъ же мгновенно, какъ и тотъ карточный замокъ, а маленькая строительница, выросшая въ женщину, какъ та бѣдная кукла въ тюлевомъ платьѣ, очутилась подъ тяжелыми обломками. Внезапно ей пришлось узнать, что даже все „прочное“ – не прочно на этой предательской землѣ и въ глазахъ сокрушенной женщины вмѣстѣ съ горемъ и страданіемъ выразился дѣтскій испугъ, какое-то ребяческое недоумѣніе, напоминавшее огорченную и потрясенную нѣкогда дѣвочку.

По странной случайности эта вторая бѣда поразила ее тоже въ одинъ изъ рождественскихъ вечеровъ, когда всѣ кругомъ веселились и радовались, когда всѣ получали забвеніе отъ житейскихъ тревогъ и заботъ.

Мнѣ пришлось быть безсильнымъ свидѣтелемъ этихъ двухъ крушеній и я передаю вамъ ихъ краткую повѣсть.

Однако,—это кажется вовсе не рождественскій разсказъ? Въ этихъ двухъ событіяхъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Подобныя бѣды отъ веселыхъ шутокъ случаются и съ дѣтьми, и съ взрослыми на каждомъ шагу. Но во всякомъ человѣческомъ горѣ я вижу такъ много таинственнаго и ужаснаго, мнѣ чуется въ немъ такая роковая сила, что даже бѣглый разсказъ о немъ можетъ замѣнить самыя страшныя сказки, которыя навѣваютъ волшебныя рождественскія ночи.

И. Гриневская.

Видѣнье драматурга.

Это была бѣдная комната. Ободранные сѣрые обои, сѣрая обивка на диванѣ, сѣрая неньковая салфетка на предиванномъ столѣ. Письменный столъ съ побѣлѣвшимъ сукномъ стоялъ угломъ по срединѣ комнаты. У окна въ корзинкѣ помѣщалось нѣсколько горшковъ цвѣтовъ, и въ томъ числѣ одинъ уже смятый филодендронъ и одна вялая латанія, съ обвалившимися листами и съ мелкимъ новымъ отросткомъ. Освѣщеніе было тусклое: двѣ стеариновыя свѣчи, да еще, пожалуй, электрическій фонарь, не то нахально, не то вызывающе глядѣвшій въ окно. У письменнаго стола сидѣлъ молодой человѣкъ и держалъ предъ собою рукопись. Онъ зналъ ее почти наизусть, потому что двадцать разъ уже ее перечитывалъ. Это была его драма „Дочь сатаны“, надъ которой онъ работалъ четыре года, а толка никакого! Та-же осточертѣвшая меблированная комната, та-же неизвѣстность, и тотъ-же нахальный и подлый электрическій фонарь, который всегда находитъ особенно оскорбительныя гримасы, когда чувствуешь себя чѣмъ-нибудь разстроеннымъ. Вы развѣ не замѣчали, что электрическіе фонари гримасничаютъ? Вглядитесь! Изъ всѣхъ фонарей это самые выразительные, а главное, самые безчувственные, холодные и надменные. Это фонари-скептики, фонари-матеріалисты и тонкіе эпикурейцы fin de siècle. Они не вѣрятъ ни въ нравственность, ни въ справедливость. Они гордятся тѣмъ, что горятъ яркимъ огнемъ, ярче чего нельзя себѣ ничего представить, и смотрятъ на все сверху внизъ, съ улыбкой снисходительнаго презрѣнія. Иногда они шипятъ. Вы обращали на это вниманіе? Это они шипятъ надъ тѣмъ, что среди людей водятся еще идеалисты и романтики, которые во что-то вѣрятъ, къ чему-то стремятся и чѣмъ-то высшимъ считаютъ себя связаннымъ. Ш-ш-ш... пшш-пшщ... Ничего нѣтъ высшаго, святого, нравственно-обязательнаго... Шш... пшш... глупый молодой человѣкъ!..

И онъ стоялъ такъ предъ окномъ, и черные волосы его разметались, и тонкія черты искажались судорогой... Подлый фонарь шипѣлъ и подмигивалъ. Молчи, фонарь! Я не отдамъ тебѣ сердца. Пшш... отдашь!..

И вдругъ онъ явственно увидѣлъ, какъ изъ фонаря высунулась вся въ лунномъ серебряномъ сіяньѣ голова Мефистофеля, умная, до омерзительности умная голова, точная копія головы „Мефистофеля“, работы Антокольскаго. Потомъ... потомъ сіявшая серебромъ голова сверкнула въ воздухѣ, за нею потянулись ноги, длинныя, тощія съ когтистыми пальцами, и вдругъ онъ весь почувствовалъ, что охваченъ этимъ луннымъ бѣсомъ и растворяется въ его матовомъ сіяньѣ.

Онъ отошелъ отъ окна, боясь отвернуть отъ *него* лицо и пятясь задомъ. Холодный потъ выступалъ у него на челѣ, ноги подкашивались, и сердце какъ будто вспухло и давило на грудную клѣтку и вздрагивало и колебалось, точно живая волна...

— Теперь ты мой, говорилъ электрическій бѣсъ. Послушай, давай свою драму! Видишь, я ее рву въ клочки. Разъ, два, три! Къ чорту! Такъ! Такъ! Ты хочешь жить драматургіею? Отлично! Я изъ тебя сдѣлаю полиглота...

Бѣсъ порылся у себя въ плащѣ, вытащилъ нѣсколько человѣческихъ языковъ и, съ истинно дьявольскою ловкостью повертывая ихъ на свѣчкѣ, вставлялъ отъ времени до времени:

— Это языкъ француза. А это поляка! А вотъ италіанца! нѣмца! испанца! англичанина! шведа! датчанина!

Черезъ полчаса все было готово: языки были прокопчены.

— Пиль—воскликнулъ бѣсъ, протягивая связку копченыхъ языковъ.

— Я не могу, слабо протестовалъ драматургъ...

— Пиль!!—настаивалъ бѣсъ.

И онъ сталъ ѣсть, преодолѣвая тошноту и гадливость. Онъ проглотилъ языкъ француза, нѣмца, поляка, англичанина...

— Помилосердствуй, просилъ онъ, падая на колѣни предъ бѣсомъ.

Но бѣсъ былъ неумолимъ. И онъ продолжалъ жевать и проглатывать человѣческіе языки, чувствуя, что его энергія и воля каждую минуту могутъ пропасть и онъ умретъ отъ спазмъ и конвульсій въ желудкѣ. Но онъ проглотилъ всѣ языки до одного. Шатаясь, какъ пьяный, онъ смотрѣлъ на бѣса посоловѣвшими глазами и спрашивалъ жалкимъ, упавшимъ голосомъ:

— А теперь что? Что теперь?

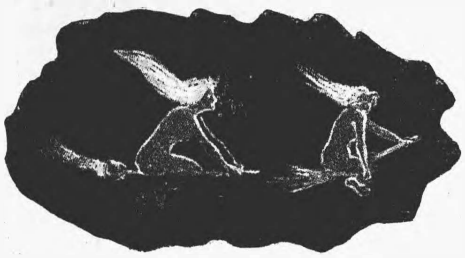
— Теперь переводи и передѣлывай пьесы. Ты—полиглотъ!

Когда утромъ именующій себя драматургомъ очнулся, то не смотря на страшный нервный припадокъ, почувствовалъ, что сразу выучился всѣмъ языкамъ. И онъ призвалъ двадцать молодыхъ людей и далъ имъ двадцать пьесъ на разныхъ языкахъ. И когда они ему принесли переводы, онъ на

всѣхъ проставилъ свою фамилію, а имъ выдалъ по десяти рублей. Ибо онъ сталъ полиглотъ! Ибо онъ сталъ полиглотъ!

Изъ всѣхъ чудесъ новаго времени—это быть можетъ самое удивительное: выучиться въ одну Рождественскую ночь всѣмъ языкамъ, забывъ кстати при этомъ русскую грамоту...

Квидамъ.



Дуэль.

I.

Былъ канунъ Новаго года.

Мы, четверо старыхъ холостяковъ, всегда встрѣчаемъ новый годъ у нашего пятаго корпуснаго товарища,—полковника.

Это его привилегія.

Слегка за картами, слегка за стаканами добраго вина, мы коротаемъ этотъ вечеръ, а къ двѣнадцати идемъ къ столу и встрѣчаемъ новый годъ съ бокалами въ рукахъ.

Милѣйшій полковникъ; я ни у кого не встрѣчалъ квартиры уютнѣе. И кабинетъ съ голландскимъ каминомъ, и столовая, гдѣ можно утонуть въ любомъ стулѣ,—все это дѣлаетъ его чертовски симпатичнымъ... А его погребъ...

Но я забѣгаю впередъ.

Обыкновенно, въ ожиданіи урочнаго часа, мы винтимъ или, вспомнивъ старину, принимается за „направо-налѣво“.

Tempi passati. Посѣдѣвъ и облысѣвъ, не слѣдуетъ играть въ банкъ. Это игра молодыхъ, горячихъ головъ, игра увлеченія и порывовъ.

Въ насъ этого нѣтъ и, хладнокровно прометавъ нѣсколько талій, мы хладнокровно подымаемся ужинать.

А прежде?

Но на этотъ разъ мы не играли. Помѣшалъ Охлопьевъ.

Онъ явился и разсказалъ ужасную исторію: его племянникъ, гдѣ-то тамъ, въ кавказскомъ городкѣ, стрѣлялъ въ какую-то женщину. А можетъ быть эта женщина стрѣляла въ его племянника,—исторія была вообще довольно туманная, плохо еще извѣстная, но несомнѣнно романическая. Любовь, ревность, мужъ, любовникъ, быть можетъ даже два любовника...

Вы знаете старыхъ холостяковъ?

Они боятся женщинъ, но вспоминать о женщинахъ любятъ. Это ихъ маленькая слабость.

И отъ племянника Охлопьева мы перѣшли къ романамъ знакомыхъ, родныхъ, къ нашимъ собственнымъ, наконецъ...

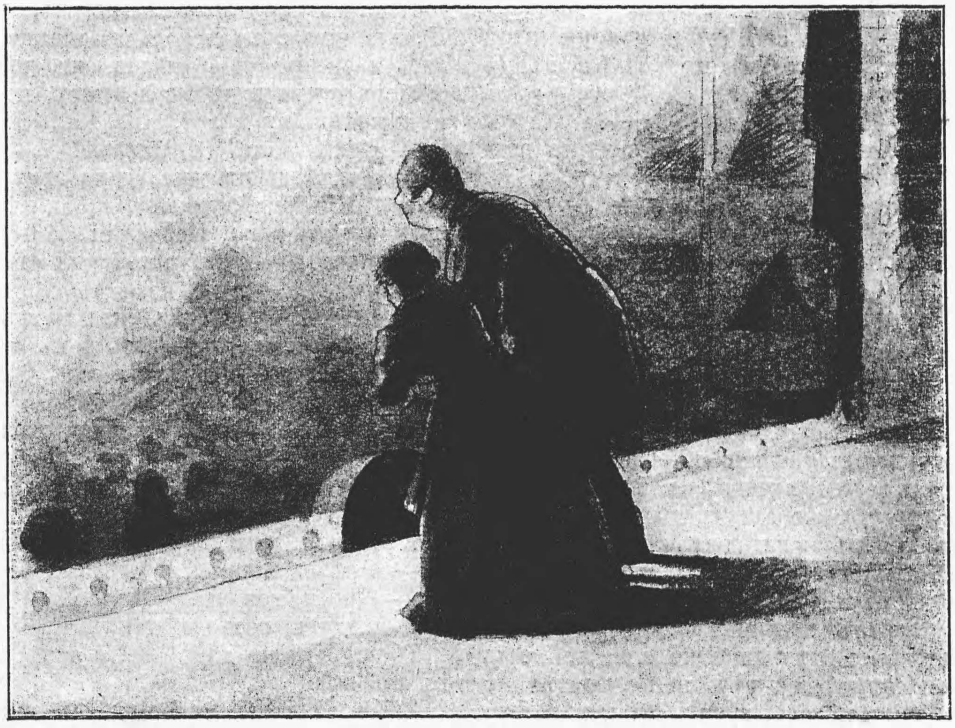
Изъ того, что мы тутъ наговорили, можно было бы составить добрыхъ три тома. Я не думаю, чтобы во всѣхъ этихъ трехъ томахъ была голая истина, но что она не вездѣ была одѣта—за это я ручаюсь.

Итакъ, мы ударились въ воспоминанія.

Насъ было четверо, полковникъ пятый, но это не помѣшало тому, что передъ нашими глазами прошелъ цѣлый эскадронъ хорошенькихъ женщинъ.

И кого тутъ только не было? Были мечтательныя блондинки, пылкія брюнетки, жены, вдовы и дѣвицы, молоденькія и такъ себѣ, худыя и полныя.

Баронъ Флякъ-фонъ-Трахтенъ припомнилъ даже мулатку. Дѣло было на югѣ. Онъ былъ тогда бравымъ адъютантомъ, а она—чѣмъ-то вродѣ няньки у мѣстнаго консула. И они очень любили другъ друга, такъ какъ ему нравился черный цвѣтъ, а ей—бѣлый.



На вызовы. (Рис. Н. В—ва).

Безпокойство за племянника не помѣшало Охлопьеву заинтересоваться:

— А она была... какъ всѣ?

— Никакой разницы, подтвердилъ, баронъ,—если не считать того, что отъ нея всегда припахивало сюргучемъ... какъ отъ казеннаго пакета.

Среди пріятныхъ случаевъ были вспомянуты и сомнительно пріятные и даже вовсе непріятные.

Такъ, напримѣръ, нашъ милѣйшій Осипъ Осиповичъ,—когда-то гордый кирасиръ, а теперь членъ правленія въ банкѣ, — далъ намъ всѣмъ ощупать пулю подъ которымъ-то изъ реберъ. Ему всадилъ ее туда одинъ изъ оскорбленныхъ супруговъ, у котораго глазъ былъ значительно вѣрнѣе жены.

Даже Охлопьевъ,—толстый какъ бегемотъ и отдувающійся какъ моржъ Охлопьевъ — показалъ намъ рубецъ на лѣвой рукѣ.

— Вотъ слѣды одной романичной исторіи.

— Тоже мужъ? спросилъ его баронъ.

— Нѣтъ, бульдогъ...

И разсказалъ ужасный случай, когда его преслѣдовалъ сорвавшійся съ цѣпи бульдогъ. Онъ гнался за нимъ какъ Ахиллъ за Гекторомъ, и два раза Охлопьевъ, не настигнутый, обѣжалъ вокругъ злосчастнаго дома, но на третій—бульдогъ вцѣпился ему въ руку.

— Но его подучилъ мужъ? настаивалъ на своемъ баронъ.

— Нѣтъ, заявилъ Охлопьевъ, такая ужъ подлая собака. Она и мужа кусала ..

Полковникъ улыбался.

— А хотите, господа, вдругъ предложилъ онъ,— я разскажу вамъ презабавную исторію? Исторію о томъ, какъ я наканунѣ новаго года дрался на дуэли съ дамочкой... съ актрисой...

Дуэль съ дамой, съ актрисой, да еще наканунѣ новаго года!.. Чортъ возьми, еще бы не хотѣть такой исторіи!..

И мы тѣснымъ кругомъ обступили хозяина.

Баронъ, точный во всемъ, хотѣлъ знать условія дуэли:

— На шпагахъ?

— Нѣтъ, на пистолетахъ, отвѣтилъ полковникъ.

— Курьезная дуэль! разсмѣялся Осипъ Осиповичъ.

Но полковникъ былъ серьезенъ:

— Курьезная?.. Ну, не совсѣмъ — у меня пуля прошла вотъ здѣсь и, какъ видите, задѣла лѣвую бровь... Одну минуту, господа...

И онъ вышелъ.

Вернулся онъ не одинъ, лакей несъ за нимъ поднось съ бутылками и стаканами.

— Прошу! пригласилъ насъ полковникъ, — исторія, господа, длинная.

И, отхлебнувъ изъ стакана, онъ приступилъ къ разсказу.

II.

...„Это было... это было много лѣтъ тому назадъ, господа... Съ двадцативосьмидневнымъ отпускомъ въ карманѣ я отправился въ провинцію,—наслѣдство послѣ милѣйшаго изъ всѣхъ дяденекъ въ мірѣ получать. Милѣйшаго потому, что не тянулъ до девятидесяти лѣтъ, а деликатно умеръ на пятьдесятъ второмъ году. Городъ губернскій, положимъ, но скука смертная. Первые дни, однако, ничего,—сюда зовутъ, туда зовутъ, а вечеромъ клубъ, картежъ и попойки до утра. Былъ и театръ съ драматической труппой, но я не любитель мелодрамъ, а онѣ тамъ шли чуть ли не по двѣ въ вечеръ... Такъ протянулось время до тридцатаго декабря. Въ этотъ день разыгрался у меня скандалъ съ бритымъ господиномъ,—антрепренеромъ труппы. Исторія глупая, и я былъ пьянъ, и онъ... Какъ водится,—изъ-за картъ. Проигрался онъ, что ли—ужъ не помню, но только надоѣдалъ и лѣзъ ужасно. А потомъ дерзости началъ отпускать. И, наконецъ, нелѣпое что-то такое...

Я сорвался и конечно:

— Молчать!..

— Это, говоритъ, почему?

— А потому, что бить,—говорю,—буду...

А онъ, пьяный, все одно:

— Это, говоритъ, какъ?

— А вотъ такъ!..

Ну, и двинулъ, знаете. И жестоко что-то, съ кровью и разными тамъ поврежденіями.

Исторія. Карточками мы обмѣнялись, увели его въ уборную, мокоть. Плачетъ...

А потомъ,—ну, пьяные всѣ, однимъ словомъ,— опять пить стали, и онъ явился. Объясненіе какое-то дурацкое, слезы, шампанское и даже брудершафтъ. Короче говоря, примирились и исторію рѣшили тутъ же затушить, не вынося сору изъ избы.

Но вѣдь вы, господа, сами были въ провинціи и знаете, какъ это тамъ сору не выносятъ. Въ этотъ же вечеръ исторія пошла гулять по городу, да еще со всякими этакими узорами. Вообще скандалъ... Меня потомъ и къ губернатору, и къ воинскому начальнику тянули...

Но не въ этомъ дѣло.

Помирились мы, говорю я. Онъ домой тамъ, что ли, уѣхалъ, а мы закатились къ какому-то помѣщику, верстъ за десять отъ города, и одинъ Аллахъ знаетъ, чего мы тамъ ни дѣлали.

Вернулся я домой только на другой день часамъ этакъ къ двумъ и ужъ въ такомъ, конечно, видѣ, что глаза вонъ лѣзутъ. Вернулся и на подушку, само собой...

И вѣдь что за чертовская тогда натура была,— проснулся часовъ въ восемь и какъ стеклышко. Новорожденный младенецъ, — свѣжъ и бодръ. Готовъ хоть сейчасъ въ клубъ ѣхать новый годъ встрѣчать.

Кричу: самоваръ!..

А удивительный у меня, господа, деньщикъ былъ Харченко,—дуракъ и флегма, но великолѣпно всѣ мои привычки зналъ.

Подаетъ чай и докладываетъ, что дама была. Узнала, что „ихъ вскородіе очинно поздно вернулись и спятъ“ и объявила, что въ девять часовъ зайдетъ снова и чтобы я ждалъ, потому что „по самонужнѣйшему дѣлу“.

— Какая дама? спрашиваю.

— Какъ слѣдуетъ... дама аккуратная.

Что за чортъ, думаю? Недѣли нѣтъ, какъ въ городѣ, а ужъ дама. Положимъ, кой-какія знакомства завязались, но не до такой ужъ степени.

Удивился, но жду.

А жилъ я, надо вамъ сказать, въ домѣ купеческой вдовы какой-то,—весь домъ снималъ. Славный былъ такой домикъ въ саду, садъ большой, никакихъ сосѣдей.

Ну, вотъ... Выпилъ я стакана два чаю съ коньякомъ и жду.

И ровно въ восемь,—ну, можетъ, капельку самую попозже, голоса въ корридорѣ.

А затѣмъ и рожа Харченки въ дверь просовывается:

— Онѣ самыя-съ...

— Проси, говорю.

И входитъ, господа, дама...

То-есть, и не дама же, а такъ, восторгъ одинъ въ шляпкѣ.

Не воздушное какое-нибудь этакое созданіе,— нѣтъ-съ, а женщина въ полномъ смыслѣ слова. Сложена—одно упоеніе, фигура гордая, взглядъ этакій

смѣлый, лучистый и губки совсѣмъ въ моемъ вкусѣ—верхняя вздернута такъ немножко.

— Вы, говоритъ, ротмистръ Рябовъ?

Кланяюсь.

— Къ вашимъ, говорю, услугамъ, сударыня...

Стоитъ, смотритъ на меня, а у самой, знаете, губки бѣлѣютъ и вздрагиваютъ такъ, а въ глазахъ искорки прыгаютъ.

— Были вы, говоритъ, вчера въ клубѣ?

Голосъ низкій такой, не по-птичьему, знаете, горломъ щебечетъ, а изъ самой груди. Бархатъ, а не голосъ въ другое время, надо думать, но теперь перехваченъ и срывается.

— Былъ, говорю.

— Ударили вы тамъ, послѣ обѣда, господина Славскаго?

Впилась въ меня, знаете, глазами и перчатку съ руки все сощипываетъ.

— Ударилъ, говорю, и хоть фамиліи не помню, но по всей вѣроятности г. Славскаго, такъ какъ только съ однимъ господиномъ и была непріятность... Впрочемъ, говорю, сударыня, этотъ инцидентъ вчера же и исчерпанъ, такъ сказать. Мы съ г. Славскимъ, если только память мнѣ не измѣняетъ, объяснились, примирились и даже брудер...

Но она и говорить не дала:

— Довольно, я не интересуюсь, что было потомъ...

И смотритъ на меня, знаете, съ такой странной улыбкой. Шагъ впередъ сдѣлала и все перчатку ту теребитъ.

— А что, говоритъ, ротмистръ, вы порядочный человѣкъ?

Меня, знаете, покоробило.

— Имѣю, говорю, претензію себя таковымъ считать, сударыня...

— Да? — и все съ той же, знаете, улыбкой, — я, говоритъ, артистка Ольга Славская... жена побитаго вами Славскаго... и если вы порядочный человѣкъ...

И еще шагъ ко мнѣ сдѣлала.

— Если, говоритъ, вы порядочный человѣкъ, то... вотъ вамъ!..

И перчаткой, этой самой, что все сощипывала-то,— хлопъ меня по лицу.

— Понимаете, говоритъ, что это значитъ?

А у меня, знаете, мальчики кровавые въ глазахъ.

— Понимаю, говорю, сударыня... Дальнѣйшее предоставьте мнѣ и вашему супругу, а васъ... васъ прошу удалиться...

И дверь, знаете, пріотворилъ:

— Пожалуйте...

Стоитъ, бровки сдвинуты.

— Плохо, говоритъ, поняли. Я васъ ударила... Г. Славскій тутъ ни причемъ.

— Съ дамами, говорю, сударыня, я не стрѣляюсь...

— Но будете...

И вдругъ, знаете, выхватываетъ изъ кармана револьверъ и себѣ къ виску.

Вѣнская такая штучка, слоновая кость въ золотѣ, такъ и блеститъ.

— Или стрѣляйтесь, говоритъ, или... или я себя убью...

А глаза... ну, яснѣй яснаго, что скажи слово — и закатитъ себѣ пулю въ лобъ.

Что тутъ будешь дѣлать?

Ну, опять, знаете, кланяюсь ей:

— Къ вашимъ, говорю, услугамъ, сударыня, въ такомъ случаѣ...

— Честное слово?

— Честное слово...

Опустила револьверъ.

III.

Полковникъ остановился и засмотрѣлся въ стаканъ, словно въ его рубиновой влагѣ разглядѣлъ что-то.

Потомъ улыбнулся:

— Ахъ, что за женщина!.. У меня, понимаете, все такъ внутри отъ восторга и кипитъ... А она стѣны осматриваетъ.

— Заряжены, говоритъ, эти?

И показываетъ на два Кольта.

— Заряжены, говорю.

— Снимите...

Снимаю.

— Неужели, говорю, вы, сударыня, здѣсь думаете стрѣляться?

— Здѣсь.

Сдернула что-то такое съ пальца и отвела руки за спину. Потомъ вытягиваетъ ихъ впередъ — зажаты кулачками.

— Тутъ, говоритъ, два кольца... Кому съ бирюзой—тотъ первый стрѣляетъ. Выбирайте!

Дотронулся я до одной ручки, — холодная, прехолодная.

— Бирюзовое, говоритъ, вамъ первому... Становитесь.

Стою я у одной стѣны, а она у другой и накидку сбросила,—платьице такое сѣренькое.

— Стрѣляйте! говоритъ.

Звенитъ голосокъ — всѣ нервы, очевидно, какъ струнки натянуты. Сохрани Богъ прекословить.

Поднялъ я пистолетъ, навожу...

Стоитъ...

Ни кровинки, но глаза — угли. И не дрогнетъ... Изъ-за верхней, приподнятой-то губки, бѣлая полоска зубовъ сверкаетъ.

— Не могу, говорю.

И опустилъ руку.

— Не могу... Слушайте, говорю, для васъ я Богъ знаетъ на что пошелъ — съ женщиной стрѣляюсь. Но первымъ стрѣлять не могу,—стрѣляйте вы...

— Хорошо, говоритъ.

И смотритъ, смотритъ—точно взглядомъ убить хочетъ. А рука подымается, все подымается...

И вотъ—видите?—у самаго глаза. Чуть-чуть правѣй—и аминь...

А сама стоитъ, такъ и застыла.

— Теперь вы... вамъ... шепчетъ.

Подошелъ я къ ней, вынулъ у нея пистолетъ, и свой даю.

— Еще разъ,—говорю.

А она, въ рукахъ у меня, опустилась такъ на диванъ и какъ заплачетъ!..

Не по бабьи, не воетъ, а знаете — безъ звука. Одни слезы, и градомъ, а лицо какъ каменное.

— Подлецъ, шепчетъ, подлецъ!.. на колѣняхъ... вѣдь на колѣняхъ я его умоляла...

И вдругъ, знаете, какъ вскрикнетъ:

— Кровь!.. кровь!..

Это у меня-то.

Захлопотала, платокъ свой, воду изъ графина и все такое.

Потомъ,—когда я ужъ съ платкомъ съ этимъ,— улыбается.

— Зачѣмъ, говоритъ, пистолетъ второй разъ давали? Рисковали вы, говоритъ, ротмистръ... Я злая и... и ненавижу васъ...

— Да? говорю.

И снова, знаете, пистолетъ этотъ беру и курокъ взвелъ...

— Царица, говорю, вы... И если вы меня не поцѣлуете—видитъ Богъ, черепъ себѣ раскрою...

И какъ она—тоже къ виску.

— Ну? говорю, разъ!.. два!..

Трехъ, однако, не сосчиталъ—поцѣловала.

Да вѣдь какъ?..

А утромъ, знаете, въ Орелъ къ роднымъ уѣхала.

— Утромъ? удивился баронъ,—значитъ... Но зачѣмъ же она тогда стрѣлялась?

Полковникъ развелъ руками:

— Вотъ подите же!..

А. Дѣяновъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Прага. (Отъ нашего корреспондента). — Зимній сезонъ въ полномъ разгарѣ, но дирекція Національ. театра еще не показала намъ ничего порядочнаго. Возобновленіе Дюма (Francillon) и Мольера (Tartuffe) даетъ артисткѣ X. или Y. случай появиться въ хорошей роли, или лучше сказать, въ хорошихъ костюмахъ, и только. Единственная новость—пьеса молодого литератора г-жи Виковой-Кунстицкой «Неизвѣстный материкъ». Пьеса оригинальна, между прочимъ, тѣмъ, что публика положительно не знала, какъ относиться къ ней: какъ къ драмѣ или какъ къ комедіи? Сюжетъ заключается въ томъ, что «блазированный» франтъ намѣренъ жениться на хорошей, неиспорченной дѣвушкѣ, но познакомившись съ ней, видитъ, что онъ не достоинъ ея и возвращаетъ ей слово. Это пока драма. Но затѣмъ наступаетъ комедія: онъ все же видитъ, что теряетъ много, размышляетъ и бросается наконецъ въ объятія счастливой невѣсты, которая, очевидно, и является неизвѣстнымъ до того времени материкомъ семейнаго счастья. Хороша Америка, нечего сказать! Пьеса успѣха большого не имѣла, хотя г-жа Викова, какъ беллетристка, цѣнится у насъ высоко. — «Возчика Геншеля» переводятъ уже для Національнаго театра, такъ что въ будущемъ мѣсяцѣ можетъ быть и мы его увидимъ: если не повредитъ постановкѣ опять интрига артистки X. или Y., какъ это случилось два года тому назадъ, съ «Юностью» Гальбе. — «Русскій клубъ» опять открылся, и къ новому году будетъ опять спектакль на русскомъ языкѣ. — «Чайка» Чехова шла на сценѣ театра барона Шванды съ громаднымъ успѣхомъ. Это, можно сказать, гвоздь, зимняго сезона. Пьеса была разыграна превосходно. Говорятъ, что необыкновенный успѣхъ пьесы заставитъ дирекцію Національнаго театра скорѣе поставить ее и на своей сценѣ. Но съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! И съ новыми извѣстіями интереснѣе старыхъ... *Dr. Boris Prusik.*

На-дняхъ Вѣна обогатилась новымъ прекраснымъ народнымъ театромъ. Новый театръ воздвигнутъ въ честь императора Франца Іосифа по поводу его юбилея и носитъ его имя; его полное названіе: «Городской юбилейный театръ Франца Іосифа». Театръ построенъ на частныя средства; участіе въ капиталѣ приняло до 2,000 человѣкъ. Это уже четвертый театръ, построенный такимъ образомъ, на средства широкой публики.

Открытіе театра, вслѣдствіе траура при вѣнскомъ дворѣ, прошло очень скромно. Зданіе построено въ стилѣ возрожденія, а внутренняя отдѣлка тяготитъ къ рококо. Зрительная зала вмѣщаетъ 1,855 человѣкъ. Сцена очень велика и снабжена всѣми усовершенствованіями по машинной части. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что новая сцена, кажется, будетъ больше заниматься политикой въ смыслѣ насажденія спеціально патріотическихъ нѣмецкихъ пьесъ, чѣмъ проведеніемъ въ народъ здоровыхъ художественныхъ началъ.

Жанъ Реншке мѣняетъ лавры артиста на антрепренерскіе. При содѣйствіи А. Ротшильда, Эрлангера и еще нѣсколькихъ богачей онъ приступаетъ въ близкомъ будущемъ къ постройкѣ «Новой оперы», многомилліоннаго театра на Вандомской площади, въ Парижѣ. Новый храмъ искусства, по сообщеніямъ заграничныхъ газетъ, откроется въ 1900 г., во время всемірной выставки.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КІЕВЪ. Наконецъ-то наступили и у насъ «славные дни Измаила»; послѣ многихъ хлопотъ, долгихъ приготовленій и крупныхъ затратъ Н. Н. Соловцовъ, сказалъ «готово», оповѣстилъ почтенную публику о великомъ событіи. Билеты проданы. Полная новая блестящая обстановка. Новыя декораціи собственной мастерской *Н. Н. Соловцова*. Новые костюмы собственной мастерской *Н. Н. Соловцова*. Пьеса ставится *Н. Н. Соловцовымъ*. Пьеса пріобрѣтена *Н. Н. Соловцовымъ* въ собственность для Кіева и Одессы. Постановка пьесы обошлась *Н. Н. Соловцову* 5,000 р. Н. Н. Соловцову нельзя не вѣрить.

Въ исторической панорамѣ г. Бухарина столько же исторической правды, сколько и художественнаго творчества, что не только не помѣшало, но даже содѣйствовало сборамъ, ибо людей глупыхъ больше, чѣмъ умныхъ.

Кіевское литературно-артистическое общество, желая выйти изъ узкой сферы своихъ «субботниковъ», дало на-

дняхъ симфоническій концертъ подъ управленіемъ г. Черняховскаго въ новомъ театрѣ.

Несмотря на то, что программа была довольно полна и интересно составлена, первый симфоническій вечеръ общества успѣха не имѣлъ—залъ театра былъ почти пустъ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что кіевская публика относится съ довѣріемъ только къ тѣмъ симфоническимъ собраніямъ, которые ведетъ А. Н. Виноградскій. Солистами этого собранія были г-жа Кульженко-Мусарова (пѣніе) и г. Шулья-Эвлеръ (рояль).

---

12 декабря въ томъ же новомъ театрѣ (при полномъ сборѣ) состоялось третье очередное симфоническое собраніе кіевскаго отдѣленія Импер. Русс. Муз. Общества подъ управленіемъ А. Н. Виноградскаго. Въ программу вошли: вторая симфонія Бородина; антрактъ къ драмѣ Кези «Розамунда» Шуберта; «Царица Мабъ-фея сновидѣній» скерцо изъ драматической симфоніи „Ромео и Джульета“ Берліоза, первый концертъ (Fis-moll) для скрипки Венявскаго и „Струэнзе“—увертюра Мейербера къ трагедіи брата композитора Михаила Бера. Солистами третьяго симфоническаго собранія выступили: г-жа Сушкова, красиво исполнившая арію донны Анны изъ оперы „Донъ-Жуанъ“ Моцарта и романсы Рубинштейна и А. А. Колаковскій (преподаватель скрипичн. игры въ училищѣ отдѣленія), легко преодолѣвшій трудности перваго концерта Венявскаго. Въ виду того, что какъ въ симфоніи Бородина, такъ и въ Мейерберовской увертюрѣ важную роль играетъ арфа, дирекція музыкальнаго общества пригласила изъ Москвы спеціально для третьяго собранія извѣстную виртуозку на арфѣ—Miette Dumont.

На прошедшей недѣлѣ состоялись два концерта Осипа Габриловича и концертъ пѣвицы Генріетты Сагитта.

Р—ичъ.

ХАРЬКОВЪ. 8 декабря состоялся бенефисъ г-жи Строевой-Сокольской—«Памела», Сарду. Билеты были всѣ проданы. Дирекція не поскупилась, истративъ на декораціи и костюмы около 1500 р. Пьеса успѣха не имѣла, доказательствомъ чего служатъ сборы, которые она дала, будучи повторенной 11-го и 13 го декабря (285 р. и около 500 р). Бенефиціантку, игравшую заглавную роль, публика шумно привѣтствовала. Бенефиціантка хорошо воспроизвела расчетливую, остроумную, находчивую и наивную (если того требовали обстоятельства) фигуру Памелы, въ которой нетрудно угадать будущую madame Sans-Gene. Г. Петипа былъ типичнымъ Баррасомъ. Бенефиціантка получила 3 роскошныя корзины съ цвѣтами, цѣнные подарки и отъ студ.-технологовъ адресъ, который былъ прочитанъ при открытомъ занавѣсѣ. Нельзя обойти молчаніемъ давно ужъ не шедшую на нашей сценѣ пьесу «Бой бабочекъ», въ которой г-жа Велизарій въ роли младшей дочери Розы имѣла выдающейся успѣхъ. 13 декабря въ пользу студ. харьк. Техн. Ин. подъ режиссерствомъ г. Шувалова, при участіи артистокъ: г-жъ Строевой-Сокольской и Велизарій и извѣстныхъ харьковской публикѣ любителей гг. Мишона, Полевого, Фесенко и Руккерта представленъ былъ «Графъ-де-Ризооръ». Первыя мужскія роли проведены были довольно порядочно. Второстепенныя, увы, вызывали нерѣдко совсѣмъ неумѣстный смѣхъ. 15 декабря состоялся бенефисъ г-жи Днѣпровой, остановившейся на неоднократно ужъ шедшей на нашей сценѣ пьесѣ «Вѣтерокъ», «Фру-Фру». Этотъ «артистическій праздникъ» заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія, такъ какъ даетъ наглядное представленіе о бенефисахъ въ провинціи. Начало перваго дѣйствія. Первый выходъ бенефиціантки. Безумный психопатическій пріемъ, десятиминутный ревъ (тушъ! тушъ! тушъ!), привѣтственные билетики, букеты съ таинственными записочками, изъ ложъ, въ которыхъ сидятъ представители tiers-etat, вой съ галерки и въ купонахъ, переполненныхъ гимназистами и гимназистками, кричащими: тушъ нашей Дузе (sic!), затѣмъ, разумѣется, слѣдуютъ подношенія: какіе-то кредитные билеты, брилліантовыя кольца, мирты, роскошныя корзины съ цвѣтами, 3 вышитыхъ подушки, часы золотые, матерія на платье и снова какой то кредитный билетъ, и безконечно гремящій тушъ. Такова картина... Г-жа Днѣпрова, несомнѣнно, талантливая артистка, но, къ сожалѣнію, она идетъ на пониженіе. Не помнимъ въ какомъ именно номерѣ журнала «Театръ и Искусство» мы прочли разъ строки слѣдующаго содержанія: «кто налагаетъ на публику цѣпи очарованія, тотъ долженъ прежде всего наложить на себя цѣпи труда, добросовѣстности и вдумчивости». Это ни въ какой мѣрѣ, увы, не примѣнимо къ г-жѣ Днѣпровой. Продолжаю описаніе; артистка одной рукой утираетъ слезы, а другой принимаетъ драгоцѣнные подарки. Объ исполненіи пьесы трудно, да и невозможно говорить. Куда ужъ тутъ заботиться о пьесѣ! Неохотно играли другіе артисты. Безукоризненъ былъ одинъ г. Петипа въ роли Троерукова, этого стараго бонвивана и вивера. Г. Шуваловъ ставитъ въ свой бенефисъ «Возчика Геншеля», г. Павленковъ – «Расплату».

А. Б. П.

ГРОДНО. Антрепризу нашего театра держитъ П. В. Никонова. Съ первыхъ же спектаклей посѣтители театра были пріятно поражены тщательностью обстановки сцены. По всему видно было, что г-жа Никонова, только въ этомъ году начавшая держать театръ, старалась заявить себя передъ публикой.

Подобранная г-жею Никоновой труппа не велика, но старательная и добросовѣстная. Пьесы тщательно обставляются и идутъ не безъ ансамбля. Въ труппѣ есть и болѣе или менѣе выдѣляющіеся артисты, какъ напримѣръ комическая старуха г-жа Кудрявцева, способная и разнообразная артистка; особенное вниманіе публики она обратила ролью Засухиной, въ комедіи «Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ». Изъ мужского персонала выдѣляются гг. Демюръ, Вербинъ и Митрофановъ. Г-нъ Демюръ (любовникъ-фатъ и простакъ) для небольшой труппы весьма полезенъ, такъ какъ не безъ успѣха исполняетъ роли, начиная съ драматическихъ до водевильныхъ съ пѣніемъ. Г-нъ Вербинъ (комикъ и характерныя роли) знакомъ по прежнимъ еще сезонамъ гродненцамъ, какъ способный, хотя суховатый, комикъ и пользуется любовью публики. Г-нъ Митрофановъ (драматическій резонеръ), занимающій амплуа благородныхъ отцовъ, дядюшекъ, резонеровъ и др. вторыхъ ролей, отличается знаніемъ сцены и подкупаетъ извѣстною искренностью. Г-нъ Несмѣльскій (герой любовникъ) премьеръ нашей труппы, актеръ нѣсколько однообразный. Г-жа Волынцева (ingénue dramatique и героиня) еще молодая артистка, съ хорошими манерами, недурна въ «пассивныхъ» роляхъ, въ которыхъ передается затаенная грусть. Такъ напр. въ драмѣ, въ «Новой семьѣ», въ роли жены Воскобоева и особенно въ драмѣ Немировича-Данченко «Золото» въ роли чистой дѣвушки Валентины. Мы не видѣли еще г-жу Волынцеву въ роляхъ требующихъ силы и страсти; но кажется, что въ нихъ она должна быть слабѣе. Г-жа Халатова (водевили съ пѣніемъ и ingénue comique) заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она съ первыхъ же спектаклей завоевала себѣ полную симпатію публики, чуднымъ исполненіемъ своихъ водевильныхъ ролей. Въ ней много жизни, граціи, что вмѣстѣ съ пріятнымъ голоскомъ, которымъ она прекрасно владѣетъ, составляетъ рѣдкую цѣнность во всѣхъ веселыхъ пьесахъ. Но г-жа Халатова не ограничивается однимъ водевильнымъ репертуаромъ, и кто ее видѣлъ въ роли Фанфана, въ драмѣ «Два подростка», тотъ, конечно, сдѣлалъ вѣрное заключеніе о всей недюжинности ея способностей и дарованія. Г-жа Снѣжина (grande coquette и ingénue dramatique), артистка съ огонькомъ; но рѣзка въ движеніяхъ и нѣсколько однообразна въ пріемахъ. Г-жа Степанова (бытовыя и характерныя роли) недурна бываетъ въ исполненіи комическихъ старухъ; большая полевность Г-жа Завьялова (2-я ingénue) еще начинающая и мало опытная артистка. Г-жа Бравская (драматическая и комическая ingénue) не дурна въ роляхъ субретокъ и недавно еще вывала дружное одобреніе въ роли Фени, въ драмѣ «Грѣшница», Пальма. Перехожу опять къ мужскому персоналу. Г-нъ Шалковскій (комикъ простакъ и бытовыя роли) обѣщаетъ выработаться въ приличнаго артиста, добросовѣстно несетъ нелегкое амплуа вторыхъ и водевильныхъ любовниковъ. Г-нъ Горскій (2-й любовникъ и характерныя роли) полезность. Г-нъ Борскій, очень недавно примкнувшій къ нашей труппѣ, еще мало о себѣ заявилъ. Остается сказать о г-жѣ Никоновой. Г-жа Никонова (grande dame) неограничивается только ролью антрепренерши и по прежнему выступаетъ въ драматическихъ роляхъ, въ которыхъ она проявляетъ темпераментъ и чутье. Въ заключеніе я долженъ сказать, что постановка театральнаго дѣла въ г. Гроднѣ представляетъ свои особенности и свои выгодныя и невыгодныя стороны. За отсутствіемъ другихъ постоянныхъ развлеченій въ городѣ, театръ посѣщается довольно охотно. Размѣры театра невелики и при крайне дешевыхъ цѣнахъ (1-й рядъ 2 р., послѣдній 50 к., 3-хъ мѣстная ложа 3 р. 20 к.) онъ легко можетъ давать полные сборы. Съ другой стороны надо много умѣнья, чтобы угодить публикѣ, которая заключается изъ чиновниковъ, офицеровъ и подавляющей массы евреевъ. Серьезная пьеса при очень хорошей постановкѣ и то, если она нова, можетъ здѣсь идти изрѣдка только. Публика ищетъ непремѣнно чего-нибудь новенькаго и занимательнаго, преимущественно веселаго. Приходится ставить преимущественно фарсы или мелодрамы съ громкимъ названіемъ, съ трескучими эфектами. Составъ труппы не можетъ быть великъ по размѣрамъ и доходамъ театра и въ то же самое время долженъ быть пригоднымъ и для драмы и для фарса съ водевилемъ.

Другъ.

ЧЕЛЯБИНСКЪ. Во вновь отдѣланномъ циркъ-театрѣ въ настоящее время подвизается опереточная труппа г. Антонова. Составъ труппы — г-жи Антонова, Калмыкова, Райчева, Крамская, Вельская, гг. Левицкій, Туманскій, Шестацкій, Васильевъ, Милорадовичъ. Хоръ 16 человѣкъ, оркестръ 12-ть, Дирижеръ г-нъ Карташевъ. Въ общемъ спектакли идутъ довольно гладко и охотно посѣщаются публикой. Г-жа Калмыкова, опытная каскадная актриса, съ небольшимъ, впрочемъ, голосомъ. Г-жа. Крамская лирическая пѣвица съ симпатичнымъ сопрано. Г-жа Райчева—старый ветеранъ опереты, когда-то одна изъ лучшихъ каскадныхъ примадоннъ, теперь исполняетъ съ успѣхомъ роли комическихъ старухъ. Въ мужскомъ персоналѣ выдѣляется г Левицкій — теноръ. Имѣетъ шансы занять видное мѣсто—комикъ г. Туманскій, но вѣчно шаржи-

руетъ. Баритонъ г. Шестацкій плохъ. За первую недѣлю валовой сборъ достигъ 1500 руб.

ТАШКЕНТЪ. Съ 20-го минувшаго ноября начались спектакли товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ Н. Д. Кручинина и Е. Ф. Боуръ. Составъ труппы: г-жи Мондшейнъ, Крельская, Кручинина, Уманецъ, Ларина, Холмская (?!), Зимина, Давыдова, Ге и гг. Петровъ-Краевскій, Боуръ, Бушманъ, Карминъ, Кручининъ, Ларинъ, Путинцевъ, Бояровъ, Исполатовскій (помощникъ режиссера) и Леонидовъ (суфлеръ). За это время прошли слѣдующія пьесы: «Въ новой семьѣ», «Въ старые годы», «Защитникъ», «Кому весело живется», «Борцы», «Цѣна жизни», «Лѣсъ», «Коварство и любовь», «Безчестные», «Джентльменъ», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» и др. Труппа публикѣ нравится. Главный артистъ г. Петровъ-Краевскій выступилъ въ роли Рахманова «Въ старые годы». Вторымъ дебютомъ артиста была драма «Коварство и любовь». Такого Фердинанда, Ташкентъ еще не видѣлъ, хотя, разумѣется, Ташкентъ мало кого и видѣлъ. Успѣхъ г. Петрова-Краевскаго дѣлитъ г-жа Мондшейнъ (сильныя драматическія роли). Недурна была въ пьесахъ: «Защитникъ» и «Въ новой семьѣ». Труппа играетъ въ зимнемъ городскомъ театрѣ, въ залахъ Военнаго и Общественнаго собраній и вездѣ недурныя дѣла. На будущій 1899 годъ городской театръ, на лѣтній и весенній сезонъ никѣмъ не сняты. За условіями нужно обращаться въ ташкентскую Городскую Управу.

ЯЛТА. 29 ноября «Наталкой-Полтавкой» начались спектакли малорусской труппы подъ управленіемъ І. Ю. Португалова. Въ составъ труппы входятъ г-жи: Азовская, Войцеховская, Ольгина, Пивинская, Борисенко; гг. Чубатый, Марченко, Левченко, Сагайдачный, Загорскій и др. Труппа имѣла большой успѣхъ.

Много публики привлекаетъ циркъ Мануэля Герцога и главнымъ образомъ дебюты клоуна Анатолія Дурова. *Е. С. Я.*

ТОМСКЪ. Антрепренеръ нашего театра П. П. Струйскій продолжаетъ не ладить съ артистами. Вслѣдъ за уходомъ Горина-Гулышина, оставили труппу г-жа Кадмина и г. Діевскій. Въ труппѣ теперь серьезный пробѣлъ. Кромѣ г-жи Пальчиковой и, отчасти, самого г. Струйскаго, остановить серьезно вниманіе не на комъ. Въ труппѣ нѣтъ ни grande dame, ни драматической старухи, ни любовника, ни ingénue dramatique ни ingénue comique. Припоминая прошлые годы, за послѣдніе 17—18 лѣтъ, мы должны признать, что такой не комплектной труппы въ Томскѣ еще не было. Напр., идетъ «Медея» — и только г-жа Пальчикова своей мастерской игрой спасаетъ пьесу. Остальныхъ участвующихъ — хоть не смотри. Впечатлѣніе получается такое, какъ будто вы попали въ глухой провинціальный городишко, на гастроли. Томичи начинаютъ охладѣвать къ театру — и онъ пустуетъ; такъ что теперь высшій сборъ не превышаетъ 300—400 р., а иногда бываетъ — и менѣе 100 р. Кто виноватъ въ недоразумѣніяхъ между оставившими труппу артистами и антрепренеромъ г. Струйскимъ—онъ-ли или покинувшіе его,—не беремся судить. Артисты обвиняютъ г. Струйскаго въ рѣзкомъ обращеніи съ ними; г. Струйскій, въ свою очередь, взваливаетъ всю вину на артистовъ; но только остается фактомъ то, что въ данномъ случаѣ не играетъ никакой роли денежный вопросъ и ни о какой-либо задержкѣ въ уплатѣ жалованья не можетъ быть и рѣчи. Г. Струйскій хлопочетъ теперь — какъ говоритъ, по-крайней-мѣрѣ, — о пополненіи труппы и, по его словамъ, выписалъ двухъ артистовъ и одну артистку изъ Россіи и пригласилъ комика г. Печорина, оставшагося не удѣлъ въ Красноярскѣ послѣ смерти В. И. Розеноера, въ труппѣ котораго онъ находился. Но пока никто изъ нихъ не пріѣхалъ. Г. Струйскій не посѣщеніе театра томичами относитъ, главнымъ образомъ, къ открытію здѣсь цирковыхъ представленій, до которыхъ у насъ многіе падки и предпочитаютъ ихъ не только драмѣ, но и оперѣ и опереткѣ. Отчасти это справедливо. Примитивнаго характера зрѣлища, которыя даетъ циркъ, болѣе понятны массѣ; — тѣмъ не менѣе, въ прежніе годы одновременно съ театромъ были у насъ и цирки и, однако, въ театрѣ случались и большіе сборы. Слѣдовательно, большую часть нынѣшняго неуспѣха труппы г. Струйскаго слѣдуетъ приписать исключительно бѣдному ея составу. Одна да и двѣ ласточки—не дѣлаютъ весны. Все это очень грустно и печалитъ истинныхъ любителей театра. До конца сезона осталось еще болѣе двухъ мѣсяцевъ и будетъ обидно и за театръ, и за самого г. Струйскаго, если послѣдній не приметъ серьезныхъ мѣръ къ пополненію своей труппы. *Всеволодъ Сибирскій.*

КАЗАНЬ. За послѣднія двѣ недѣли, съ 3 по 17 декабря включительно, были поставлены на сценѣ Казанскаго городскаго театра слѣдующія пьесы: «Право любить», «Нордау» и «Контролеръ стальныхъ вагоновъ» Биссона; «Потонувшій колоколъ» и «Двѣ гончія по одному слѣду», «Горе отъ ума» и «Роковой дебютъ», «Джентельменъ» и «Простушка и воспитанная», «Разбойники», «Ніобоя», «Сирано-де-Бержеракъ» и «Первое свиданіе», «Безчестные» Ровета и «Нина», «Счастье въ уголкѣ», и «Контролеръ стальныхъ вагоновъ» (во 2-ой разъ); «Волшебная сказка» и «Первое свиданіе» (2 разъ); «Власть тьмы», «Ночное», «Двѣ судьбы», «Бабушкины грѣшки», «Джентельменъ», (во 2-ой разъ) и «Изъ-за мышенка» и «Сирано де Бержеракъ», (во 2-й разъ) и «Полъ душистою вѣткой сирени».

Въ ближайшемъ же будущемъ обѣщена постановка: «Женитьбы Бѣлугина», «Юлія Цезаря», кажется никогда еще не шедшаго нигдѣ въ провинціи и «Возчикъ Генпель», Гауптмана и др. новинокъ.

Какъ видите - репертуаръ ведется очень разнообразный и ставяться пьесы требующія и блестящей обстановки и массы исполнителей, что возможно только при такой постановкѣ дѣла, какова у нашего «товарищества» и при громадномъ составѣ—чуть ли не болѣе 50 человѣкъ!

Скажемъ нѣсколько словъ объ артистахъ о которыхъ не упоминали.

Г-жа Голубева занимаетъ, по праву, одно изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ; она играетъ чуть ли не каждый спектакль и всевозможныя и къ сожалѣнію даже невозможныя роли!.. Артисткѣ не слѣдуетъ разбрасываться, а разрабатывать свое дарованіе на роляхъ соотвѣтствующихъ. Такъ ей едва ли слѣдовало брать на себя роль Феи Раутенделейнъ. Для этого требуется чтобы наружность соотвѣтствовала образу, чтобы въ ея движеніяхъ была мягкость, чтобы въ голосѣ были нѣжные звуки. Черты лица г-жи Голубевой рѣзкія движенія угловаты, голосъ грубоватъ. По нашему мнѣнію г-жѣ Голубевой надо разрабатывать гордые, свободолюбивые властные типы. Тамъ она безусловно хороша напр. въ роляхъ - «Дуняши» въ «Злой ямѣ», «Поликсены» въ «Правдѣ хорошо, а счастье лучше» и др. Въ «Волшебной сказкѣ», г-жѣ Голубевой больше всего удались мѣста гдѣ Наташа возмущается насиліемъ надъ своей личностью, гдѣ протестуетъ противъ гнета и говоритъ смѣлыя гордыя рѣчи; хороша также въ моменты взрыва. Хороша и въ роли суховатой Калесты Павловны, въ пьесѣ «Двѣ судьбы» Шпажинскаго. Силою своею дарованія, страстной и серьезной работой, какія видимъ мы у Голубевой, артистка многаго достигаетъ.

Переходимъ къ молодымъ, новымъ для насъ артисткамъ.

Г-жа Литовцева—дарованіе еще молодое, не выработанное; въ ея игрѣ еще нѣтъ яркости, блеска - но въ ней много тепла, глубокаго чувства; мимика ея богата и выразительна. Почти тоже нужно сказать о г-жѣ Иртеньевой. Въ маленькой почти эпизодической роли Магды, жены мастера Чеприха («Потонувшій колоколъ»), она произвела хорошее впечатлѣніе.

На роли первыхъ любовниковъ и пожалуй, героевъ приглашенъ г. Соколовъ. Наша пресса встрѣтила первый выходъ его на сцену неособенно дружелюбно, но едва-ли справедливо Правдиво онъ сыгралъ роль студента въ «Волшебной сказкѣ», но былъ слабоватымъ Христіаномъ въ «Сирано-де-Бержеракъ».

«Сирано-де-Бержерак» въ Казани вообще, далеко не произвелъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ Саратовѣ, гдѣ эта пьеса шла при полныхъ сборахъ, съ все возрастающимъ, спектакль отъ спектакля, успѣхомъ и была поставлена 6 разъ.— Въ Казани она дала полный сборъ только при первой постановкѣ, а при повтореніи не собрала, кажется, и 2/3 театра!.. Постановкѣ этой пьесы на Казанской сценѣ предшествовало чтеніе ея по ролямъ въ Обществѣ любителей изящныхъ искусствъ, на которомъ и мы присутствовали, и горячія, обстоятельныя статьи въ мѣстной прессѣ, но игра артистовъ мало удовлетворила и публику, и прессу.

«Волшебная сказка» Потапенко, на оборотъ, имѣла большой успѣхъ. Прекрасное исполненіе роли Наташи—г-жею Голубевой (о чемъ мы уже говорили) полная простоты и правды игра г-жъ: Шебуевой (Татьяна Васильевна Боброва) и Иртеньевой (Елизавета Владиміровна Ижорская); живая, типичная игра г. Рюмина (Свибужскаго) и отличное исполненіе роли графа Ижорскаго, г. Соколовскимъ,—сдѣлали свое дѣло. Какъ то странно намъ, казанцамъ, показалось, послѣ исполненія этой пьесы на нашей сценѣ, рѣзкость отзывовъ нѣкоторыхъ органовъ столичной прессы объ этой пьесѣ, о ея, будто-бы, пошлости!..

«Двѣ судьбы» - несмотря на достойную игру гг. Агаревыхъ, Немировой Ральфъ, Голубевой, Рюмина, Нежданова и Гарина—особаго успѣха не имѣла; что касается пьесы «Право любить» — то она также прошла безъ особаго успѣха; зато фарсъ «Контролеръ спальныхъ вагоновъ»—шелъ при гомерическомъ хохотѣ всей зрительной залы. Таковы покамѣсть вкусы казанской публики... *Казанецъ.*

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Нужны артистки и артисты

въ г. ЛОМЖУ.

Товарищество. Сезонъ съ 1 января до Пасхи. Обращаться съ предложеніями по адрессу: Фонтанка, 40, мебл. комн. Централь № 3.

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимоѳеева (Холмская).

РЕПЕРТУАРЪ
Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 26-го декабря 1898 г. по 4-е января 1899 г.

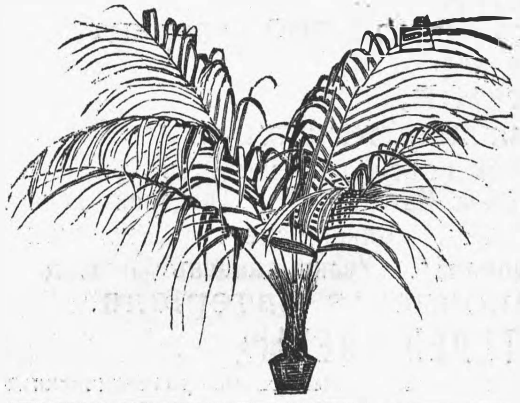
Александринскій театръ. 26-го дек.: Утромъ: «Горе отъ ума».—27-го дек.: Утромъ: «Царь Борисъ». Вечеромъ: «Неумолимый судъ». | 28-го дек.: Утр.: «Борцы». Вечеромъ: «Исторія одного увлеченія». — 29 го декабря: Утр.: «Безприданница». Вечеромъ: «Царь Борисъ». — 30-го декабря: Утромъ: «Царь Борисъ». Вечеромъ: «Волшебная сказка».—31-го дек.: Утр.: «Двѣ судьбы». Вечеромъ: «Волки и овцы». — 1-го января 1899 г.: «Царь Борисъ».—2-го января: Утромъ: «Волшебная сказка».—3-го января: «Недоросль». Вечеромъ «Борцы».

Михайловскій театръ. 26-го дек.: «Célimare le bien aimé», (Abonn. suspendu). — 27 го дек.: «L'ainée».—28-го дек.: «Célimare le bien aimé». — 29-го дек: «Célimare le bien aimé» (1-er abonnement spectacle № 15). — 30-го дек.: «Snob». — 31-го дек.: «Célimare le bien aimé». — 1-го января 1899 г.: «La culotte».—2-го января: Bénéfice de m-elle Fériel. «Zaza», com. nouvelle. - 3-го января: «Zaza».

Маріинскій театръ. 26-го декабря: Утромъ: «Раймонда», балетъ (г-жа Леньяни) (24-е пред. абонемента).—27-го дек.: Утромъ: «Жизнь за Царя», опера (г-жи Михайлова, Долина; гг. Ершовъ, Серебряковъ и др.). Вечеромъ: «Пахита», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я) (25-е представл. абонемента) Въ 12 ч. ночи маскарадъ. — 28-го дек.: Утр.: «Конекъ-Горбунокъ», балетъ (г-жа Леньяни) (26-е „представленіе абон.). Вечеромъ: «Опричникъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Каменская, Долина; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Фрей, Бухтояровъ, и др.) (8 е предст. 4-го абон.). — 29-го дек.: Утр.: «Дочь Фараона», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я) (27-е предст. абон.) Вечеромъ: «Снѣгурочка», опера (г жи Михайлова, Славина, Насилова; гг. Чупрынниковъ, Кравченко, Смирновъ, Серебряковъ, Майборода и др.).—30-го дек.: Утромъ: «Демонъ», опера (г-жи Мравина, Насилова; гг. Карелинъ, Угриновичъ, Яковлевъ, Бухтояровъ, Климовъ 1-й и др.) (Не въ счетъ абон.). Вечер.: «Лебединое озеро», балетъ (г-жа Леньяни) (28 е предст. абон.).—31-го дек.: Вечер.: «Фра-Діаволо», опера (г жи Михайлова, Фридэ; гг. Фигнеръ, Чупрынниковъ, Титовъ, Стравинскій, Бухтояровъ и др.) (Не въ счетъ абонемента).—1-го января 1899 г.: Вечеромъ: «Пиковая Дама», опера (г-жи Куза, Дулова, Долина, Насилова, Каменская, Лузинова; гг. Морской, Угриновичъ, Смирновъ, Шароновъ, Майборода и др.).—2-го января: Утр.: «Конекъ-Горбунокъ», балетъ (г-жа Леньяни) (29-е представле ie абонемента).—3-го января: Утромъ: «Травіата», опера (г-жа Больска; гг. Морской, Карелинъ, Тартаковъ, Шароновъ, Фрей, Поляковъ и др.). Вечеромъ: «Дочь Фараона», балетъ (г жа Кшесинская 2-я) (30-е представленіе абонемента) (Цѣны мѣстамъ возвышенныя).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Удостоены медали на художественной ремесленной выставкѣ въ С.-Петербургѣ въ 1898 году.



Искусственныя
ПАЛЬМОВЫЯ РАСТЕНІЯ
изъ натуральныхъ листьевъ,

никогда не измѣняющіяся и не требующія за собою никакого ухода. Получена награда — медаль въ С.-Петербургѣ на художественно-ремесленной выставкѣ въ 1898 году.

Высылка въ провинцію, прейсъ-курантъ безплатно.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Караванная ул., № 8.

№ 207 (6—5).

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ ГОЛЛЕНДЕРА

ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ МОЗОЛЕЙ И БОРОДАВОКЪ.

Самыя застарѣлыя мозоли быстро излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости „Голлендера“, безъ малѣйшей боли. Цѣна флакона 35 коп.; за 1 рубль почтою высылаютъ въ Европейскую Россію 2 флакона.

Главный складъ. С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.

Просимъ не смѣшивать съ другими жидкостями, ничего общаго съ нашими неимѣющими.

217 (г.—1).

Только-что поступилъ въ продажу во всѣ главныя музыкальныя и книжныя торговли и въ ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ (С.-Петербургъ, Троицкая 38).

1899 г. МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ 1899 г.

А. ГАБРИЛОВИЧА.

Справочная и Записная книжка для Музыкантовъ и любителей музыки годъ изданія пятый. Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ, 1 руб.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ заключаетъ въ себѣ три отдѣла:

I. Записная книжка на каждый день года. Общекалендарныя свѣдѣнія.

II. Музыкальный Адресъ-Календарь Россіи. Свѣдѣнія о столичныхъ и провинціальныхъ городахъ Россіи.

III. Справочная музыкальная книжка. Законы и правила. Конкурсы. Новости музык. литературы. Биографич. свѣдѣнія о русскихъ и иностр. композиторахъ. Новый проектъ законоположеній о музык. собственности. Краткій музык. словарь. Планы театровъ и концертн. залъ и проч. и проч.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Календарь этотъ отличается полнотою, практичностью въраспредѣленіи матеріала и большою точностью свѣдѣній: („*Р. В.*“).

„Музыкальный Календарь“—драгоцѣнный и незамѣнимый спутникъ не только артиста-концертанта и музыканта-педагога, но и каждаго вообще, занимающагося или просто интересующагося музыкою. („*М. О.*“).

„Музыкальный Календарь“ изданъ изящно и по цѣнѣ и по формату совершенно приспособленъ къ современному карману. („*Т. И.*“).

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсѣенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будищева и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунѣ“ А. Плещеева. Ц. 60 к. „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц. 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночью“ шутка Немвродова П. 50 к., „Мопсикъ“, шутка въ 1 д. Б. Бентовина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртеньева“, др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. Ц. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“. Ц. 60 к. „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р. „Волшебная сказка“ Ц. 2 р. „Маріанна Ведель“ Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“. Ц. 1 р. 50 к. „Лизистрата“ Ѳ. Литернера. Ц. 1 р. 50 к., „Юность“. М. Гальбе Ц. 1 р. 50 к., „Сирано де-Бержеракъ“. Э. Ростана. Ц. 1 р. 50 к., „Невидимая сила“ Ц. 60 к. „Баба“ кн. Дм. Голицына. Ц. 1 р. 50 к. „Послѣдній Гость“. Ц. 60 к. „Силетня“ г-жи Верховской. Ц. 1 р. 50 к. „Страничка романа“ эт. въ 1 д. Берниковъ. Ц. 60.

Иллюстрированный каталогъ костюмовъ и бутафарскихъ вещей Бр. А. и Л. Лейфертъ ц. 75 коп. „Графъ де-Ризоръ“ В. Сарду пер. Н. Арбенина, Иллюстр. изд. ц. 1 р 25 коп.

При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%.

Продается вездѣ

СЪ РАЗР. С.П.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.

„ПУДРА ЮНОСТИ“

КОСМЕТИКА **В. ЛИШЕ**

ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НѢЖНОСТЬ И БАРХАТИСТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛЕГАЕТЪ КЪ ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

Коробка 75 коп. и 40 коп.

№ 195(г.)

НОВАЯ КНИГА

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу новая книга

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Вл. А. ТИХОНОВА.

„Разбитые кумиры“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

III годъ (третій годъ изданія) III годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО".

Въ 1899 г. журналъ „Театръ и Искусство" будетъ издаваться по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Наши постоянные читатели, безъ сомнѣнія, успѣли убѣдиться, что изданіе не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а совершенствуется по мѣрѣ силъ. Въ 1899 г. предположено: 1) обратить особое вниманіе на дальнѣйшее улучшеніе иллюстрацій и внѣшняго вида журнала, 2) увеличить количество пьесъ и нотныхъ приложеній, 3) выпуски словаря сценическихъ дѣятелей довести до буквы Д.

Путь нашего служенія задачамъ театра, литературы и искусства опредѣлился, надѣемся, съ достаточною ясностью. Наше слово всегда стремилось быть не только честнымъ, но и *серьезнымъ* словомъ. Этимъ стремленіямъ отдастъ справедливость всякій знающій насъ, а незнающему да поможетъ первый. Вотъ единственный способъ рекламы, который мы считаемъ дозволительнымъ, и который въ состояніи создать не только многолюдную, но и единомышленную аудиторію

Въ 1897—98 гг. помѣщены были въ журналѣ произведенія слѣдующихъ лицъ:

Авсѣенко В. Г., Александрова Н. А., Амфитеатрова А. В., Арбенина Н. Ф., Бастунова Э. Д., Бентовина, Б. И., Блейхмана Ю. И., Вейнберга П. И., Гнѣдича П. П., Далматова В. П., Дѣянова А. И., Карпѣева М. В. Карпова Е. П., Кнорозовскаго И. М., Коринфскаго А. А., Кояловича М. М., Кравченко Н. Н., Кугеля, А. Р., Ленскаго Ал. П., Немировича-Данченко Вас. И., Немировича-Данченко Вл. Ив., Плещеева А. А. Потапенко И. Н., Преображенскаго В. П., Ростиславова А. А, проф. Сакетти Л. А., кн. Сумбатова А. И., Тихонова В. А., Федорова Н. Ф., Фоломѣева К. И., Фруга С. Г., Южнаго М. Г., Ясинскаго І. І., Гриневской И. А. и друг.

Статьи по общественнымъ вопросамъ и теоріи театра, искусствъ и литературы. Фельетоны. Критическіе этюды. Беллетристика. Обширныя корреспонденціи.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

1) 52 №№ журнала,

за годъ изящный томъ на хорошей бумагѣ около 1,000 страницъ, свыше 600 иллюстрацій и портретовъ.

2) нотныя приложенія,

3) 20 репертуарныхъ пьесъ, отдѣльными приложеніями, стоющихъ около 30 р.

Въ 1897—98 гг. даны, между прочимъ, слѣдующія пьесы, имѣвшія шумный успѣхъ:

„Трильби", „Катастрофа", „Наканунѣ", „Влюбленная", „Вѣра Иртеньева", „Трудовой день", „Облачко", „Волшебная сказка", „Джентльменъ", „Золотая Ева", „Спиритизмъ", „Лизистрата", „Юность", „Сирано-де-Бержеракъ", „Баба", „Страничка романа", „Урокъ танцевъ" и т. д.

4) Отдѣльные выпуски по мѣрѣ накопленія матеріала,

„СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ СЦЕНЫ",

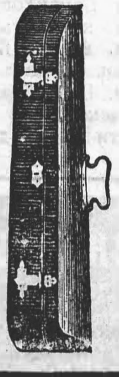
куда войдутъ портреты, біографіи, характеристики артистовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, театральныхъ критиковъ и т. п.

Подписная цѣна за годъ со всѣми приложеніями съ доставкою . . . . **6** р.
„ „ „ полгода „ „ „ . . . . **4** „

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. и по 2 р. 1 го Марта 1 го Іюнь.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимоѳеева (Холмская).



Мастерская струнныхъ инструментовъ
В. В. ИВАНОВА.

сущ. съ 1873 г.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Тщательное и аккуратное изготовленіе новыхъ, а также и починка струнныхъ инструментовъ, какъ-то: скрипокъ, альтовъ, віолончели, контрабасовъ, смычковъ и всѣхъ къ нимъ принадлежностей, мандалинъ, гитаръ, цитръ, концертинъ вѣнскихъ и народныхъ, балалаекъ, домръ и гуслей всѣхъ размѣровъ. Лучшія струны для всѣхъ инструментовъ.

203 (г.—б)

Открытъ секретъ

играть на роялѣ и фисгармоніи, не зная нотъ. Книжка 20 коп. Пробн. ур. съ подробн. и перес. 50 к. (можно марками), а 4 легк. пѣсни 1 р. Наложеннымъ менѣе 1 р. не высылаю. Каталогъ пьесъ безплатно. Складъ изд. Спб. Вознесенск., д. 42. А. И. Поперековъ. № 202 (10—6).

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ ДЛЯ ВОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: **А. Энглундъ**, красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: **А. Энглундъ**, С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 2.

НОВАЯ КНИГА

Принципы Драматическаго Искусства
РЕТШЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго М. В. Карпѣева, подъ редакціею артиста Императорскихъ Театровъ М. И. Писарева.

Цѣна 60 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала «Театръ и Искусство».

10864 Инв. № 184487

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 декабря 1898 г.

Типографія Г. Г. Шилѣвера, Фонтанка, 86.

05,3

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛА

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО"

за 1898 годъ.

Андре Шенье. И. Кнорозовскаго. № 2.
Англійская художественная выставка Художника. № 3.
Актеръ карикатуристъ Ю. Б. № 14.
Афишная монополія. № 23.
Баловство. Посторонняго. № 2.
Безумный другъ Шекспира. Н. А. Селиванова. №№ 11, 12, 13.
Библіографія. №№ 11, 13, 31, 35, 44, 46.
Бѣлинскій и русскій театръ. А. Столярова. №№ 15, 16, 17.
Борьба актеровъ съ любителями. № 17.
Будущее сцены. Вл. Г—ва. № 33.
«Благочестивая Марта». Homo novus. № 36.
Бухаринъ. № 40.
«Безумные». Homo novus. № 40.
Ближайшая задача. № 44.
Бенефисъ г-жи Дюжиковой. Homo novus. № 45.
Враги русскаго театра. Е. Шабельской. № 2.
Великопостные спектакли. № 5.
Вынужденное объясненіе. Н. Селиванова. № 10.
Война съ Семирадскимъ. № 11.
Выборы въ Театральномъ Обществѣ. № 18.
«Вечеръ въ оперномъ домѣ». Юр. Бѣляева. №№ 19, 20, 21, 22, 23.
Выставка въ Саратовѣ. Постояннаго № 19.
Воспоминанія. Г. Ярона. № 20.
Воспоминанія о М. Т. Ивановѣ-Козельскомъ. Т. Н. Селиванова. №№ 25, 26, 27, 28, 29.
Видѣніе драматурга. Квидама. № 52.
Въ консерваторіи. Ж. Леметра. № 31.
«Возвращеніе съ бала». Ю. Б. № 34.
Въ интересахъ петербургскихъ авторовъ. № 37.
«Во всю» (разсказъ). А. Дѣянова. № 37.
Вопросъ о вызовахъ. № 38.
Выборы въ Театральномъ Обществѣ. № 42.
Гастроли Сальвини. Homo nov. № 9.
Гастроли Цаккони Н. Росова. № 50.
Гастроли Цаккони. Н. Россова. № 50.
Генрихъ Ибсенъ. А. К. № 10.
Графиня Лулу. (Разск. съ фр.). № 52.
Дѣтскій балетъ. М. Пѣвцова. № 4.
Донъ-Жуанъ. И. Кнорозовскаго. №№ 5, 7.
«Дядя и внукъ» стих. С. Фруга. № 15.
«Дядя Ваня». Homo nov. № 31.
«Драматическое образованіе въ Россіи». №№3536, 37, 38, 40, 43, 45, 47, 50, 51,52.
«Душа» (разсказъ) А. Дѣянова № 38.
«Двѣ судьбы». К. Фоломѣева. № 40.
«Дочь Фараона». Н. Ф. № 43.
Дуэль (разск.) А. Дѣянова. № 52.
Еще по поводу циркуляра Театральнаго Бюро. № 1.
Еще о великопостныхъ спектакляхъ. № 6.
Еще о театральной благотворительности. № 33.
Есть ли у насъ школа живописи? А. Ростиславова. №№ 48, 49.
Еще два слова о костюмѣ актрисы. З. Х. № 49.
Жрица Терпсихоры. А. Уманскаго. № 21.
Живыя цифры. Л. Ж. № 12.
Замѣтки. Homo novus. №№ 8, 9, 30, 37, 43.
Заколдованный кругъ. В Тихонова. № 42, 44, 47, 49, 51.
Заграничныя впечатлѣнія. А. Р—та № 45.
Исторія одной «Натуры». І. Ясинскаго. № 1, 2, 3, 4.
Изъ исторіи нижегородск. город. театра. № 2.
Изъ прошлаго англійскаго театра. В. Генкена. № 3, 5.
Императорскіе театры въ посту. № 50.
Интересное мѣропріятіе. № 5.
Изъ воспоминаній о Козельскомъ. № 6
Изъ моихъ театральныхъ воспоминаній. Петра Вейнберга. № 14.
Иркутскій театръ. Н. Арбенина. № 16.
Изъ альбома дилетанта. Г. Д—аго. № 17.
Итоги благотворительнаго сбора. № 22.
Изъ старой тетради Стих. В. Мазурквича. № 27.
Изъ случайныхъ встрѣчъ. Homo novus. № 44.
Изъ репертуара Гильберъ «Le jeune homme triste», «Les ingénues». № 49.
Ивета Гильберъ. Ник Негорева. № 49.
Къ уходу Шестаковскаго. № 3.
Къ возобновленію «Каширской старины». М. Карнѣева. № 5.
Къ дѣятельности общества драматическ. писателей. № 7.
Касса взаимопомощи сценическ. дѣятелямъ. № 12.
Къ съѣзду директоровъ музыкально-педагогическ. учрежденій. № 14, 15.
Кисилевскій. А. К—еля. № 17.
Къ открытію народнаго театра. № 24.
Кое-что о театрѣ. Н. Россова. № 24.
Къ открытію отдѣленія Музыкальн. Общества въ Ригѣ. № 35.
Къ открытію сезона. № 37.
Къ постановкѣ «Царя Ѳеодора». М. Южнаго. № 42.
Къ выборамъ въ Театр. Общ. № 43.
Къ постановкѣ «Царя Ѳеодора». № 45.
«Компаньоны» (разсказъ). Г. Шварцкопфа, пер. І. К. № 45, 46.
Костюмъ актрисы. З. Х. № 47.
Книга о современной драмѣ. А. Рейнгольдта. № 48.
Къ нашимъ читателямъ. № 52.
Лѣтній и зимній сезоны 1898—99 г. № 14.
Лѣтняя физіологія Homo novus. № 18.
Лизистрата. А. К—ля. № 30.
Ламайскій театръ. № 41, 42.
Минувшій годъ въ театральной жизни. № 2.
Музыкальная библіографія. № 2, 41.
Музыкальныя замѣтки. И. Кнорозовскаго. № 4, 5, 6, 12, 13, 20, 23, 27, 28, 34, 49, 51.
Мысли и воспоминанія объ Ивановѣ-Козельскомъ. Н. Россова. № 7, 8.
Маленькій трибунъ. № 19.
Московскія письма. Арсенія Г. № 51.
Музыка въ нашихъ школахъ. № 18.
Муки творчества (стих.). Н. Никифорова. № 33.
М-lle Роже. Монологъ. И. Гриневской. № 40.
Мотылекъ (разсказъ). А. Дѣянова. № 41.
Мое свадебное путешествіе. И. Гриневской. № 42, 43
Музыкальныя замѣтки. Ю. Блейхмана. № 45, 49.
Надъ свѣжей могилой. № 3.
Народные театры и г-да фабриканты. № 5.
На порогѣ смерти. Повѣсть. М. Любимова. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36.
Назрѣвшій вопросъ. № 8.
Нѣсколько словъ по поводу одной изъ резолюцій съѣзда. Т. Селиванова. № 10.
Неудачная защита. № 13.
«На закатѣ дней». П—аго. № 17.
Новое распоряженіе. № 20.
Народные театры въ Петербургѣ. А. Уманскаго. № 24, 25, 27.
Новое движеніе въ скульптурѣ. № 26, 28, 30.
Нѣсколько словъ Евт. Карпова. № 29.
На народной выставкѣ. Junior'a № 32.
На очереди. Н. Арбенина. № 34.
Направникъ, Э. Ф. И. Кн—скаго. № 36.
Новыя пьесы. К. Фоломѣева. № 42.
Новыя пьесы. Homo novus. № 47, 50.
Новыя пьесы. № 48.
Noli me tangere. № 46.
Новый шагъ. № 47.
Образецъ актерскаго самомнѣнія. В. Б. № 1.
Откровеніе г. Лентовскаго. № 1.
О репертуарѣ народныхъ театровъ. № 4.
О благотворительныхъ маркахъ. № 6.
О Дирцеѣ Семирадскаго. Алекс. Рост—ва. № 10.
Опытъ московской думы. № 11.
Оперы Вагнера. И. Кнорозовскаго. № 9, 11, 14, 18.

A5
B5
A4
B5
B4